

«ДАО ДЭ ЦЗИН»

(«Книга о Дао и Добродетели»)

Перевод И.И. Семененко

Глава 1

Если Дао могут высказать, Дао не является незыблемым; если могут назвать имя, имя не является незыблемым. Безымянность — вот начало Неба и Земли, в наличии же имени таится мать десяти тысяч вещей. Незыблемое неналичие — желаю поглядеть на скрытые в нем чудеса; наличие в незыблемости — желаю осмотреть его окраину. Выходит эта пара вместе, но именами различается. Даю одно им имя сокровенного. За сокровенным — сокровенное, врата множества чудес.

Комментарий к главе

Программная глава, формулирующая цель создания «Дао дэ цзина» — раскрыть тайну жизни. Используемое здесь слово «сокровенное» — сюань, помимо указания на непостижимое и таинственное, подразумевает также черный с оттенком красного цвет, Небо, глубину. Сокровенное значит беспредельно глубокое — к этому пониманию подводит определение Дао в главе 4. Здесь нет агностицизма. Только понять эту тайну, заглянуть в ее «бездну» обычным способом — путем чувственного восприятия и рационально — невозможно. Она открыта лишь мистической интуиции, внимательному всматриванию в нее всем своим существом. Тогда и понятен вывод главы в заключительной фразе: чем сильнее ощущение непостижимой глубины и таинственности, тем реальнее войти во «врата», то есть приблизиться к разгадке. Слово «врата» имеет еще значение средства, ключа к пониманию, овладению. Сама тайна распадается на «чудеса» и «окраину». В «чудесах» — спектр значений прекрасного, совершенного, утонченного, изумительного, необычного, глубокого, вполне соответствующий понятию сокровенного. «Окраина» буквально значит «граница» и вместе с «вратами» намекает на главную особенность философии Лаоцзы: ее пограничный, «пороговый» характер. Находиться в воротах, в дверях значит быть

и не там и не тут, а на границе, на краю, по сути нигде и в то же время повсюду. Тайна заключена в пребывании на границе, в «воротах», или, как мы еще бы сказали, «на пороге». Раскрытию способа, используя который можно там оказаться, и посвящен весь «Дао дэ цзин».

У Лаоцзы стиль полностью совпадает с его философией. Композиция с первой же главы строится по принципу «пары», о котором здесь прямо и говорится. Основные понятия этой главы и всей философии Лаоцзы — Дао, имя, безымянное, наличие, не-наличие находятся во взаимосвязи как пары противоположностей с акцентом на их тождестве. Разным по именам противоположностям пары дается одно название сокровенного. Получается удвоение сокровенного, как бы наложение одного на другое и создание их целостности: «за сокровенным сокровенное» выводит к «воротам», на порог. Когда первое сокровенное соединяется со вторым и получается третье — ворота, то это уже пара как триединство. С него и начинается первая глава, а значит, и «Дао дэ цзин» в целом, ибо первые четыре строки первой и главы 42, где Дао связывается с рождением «десяти тысяч вещей» через первые три числа, составляют между собой полную параллель (см. об этом главу «Между строк», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

У древнекитайского слова Дао широкий спектр значений: дорога, путь, способ, средство, искусство, технический прием, закон, принцип, истина, учение, мнение, основание, проводить, проходить, проистекать, говорить, выражать, приносить жертву духу дороги. Многие из них подразумеваются и обыгрываются в «Дао дэ цзине». В первой же фразе первой главы Дао используется в двух значениях: трансцендентной истины и ее словесного выражения.

Глава 2

Когда все в Поднебесной знают, что прекрасное прекрасно, то вот и безобразное; когда все знают, что добро является добром, то вот и зло. Наличие и неналичие друг друга порождают, трудное и легкое друг друга образуют, короткое и длинное друг друга формируют, высокое и низкое взаимно соотносятся, тона звучат в гармонии, переднее и заднее друг за другом следуют. Вот почему Премудрый человек пребывает в деле надеяния, проводит в жизнь учение, невыразимое в словах. От десяти тысяч вещей, хотя они и возрастают, он не отказывается; чему дает жизнь, не имеет, что делает, на то не опирается, свершая подвиги, к себе их не относит. Лишь потому, что не относит, и остается с ними неразлучен.

Комментарий к главе

Здесь главной является мысль о взаимном порождении противоположностей. Все в жизни состоит из противоположностей, в ней нет ничего, что не было бы чему-то противоположным. И каждая противоположность возникает только «в паре» с соответствующей другой. «Узнавание» одной из них говорит о том, что уже наличествует ей противоположная.

Ключевым в этой главе является слово «возрастание» — цзо. Из его древних значений на первый план выступают: вставать, подниматься, восход, подъем, рост. Имеется в виду эмпирическое становление вещей, их устремленность к силе зрелости, то есть предпочтение одной противоположности — силы другой — слабости. Взаимное обособление того, что не может существовать раздельно. Этому противопоставляется во второй части главы идеал «Премудрого человека». Суть его поведения заключается в пребывании на грани противоположностей. Последовательность в перечислении пар противоположностей и аспектов пове-

дения мудреца соответствует структуре триединства. В их шести парах первой части она повторяется дважды, составляя пару уже в самом этом перечислении: удвоенную триаду пар противоположностей. Это следует из взаимосвязи и последовательности понятий. Наличие и отсутствие означают степень наличия, наличность, которая есть вещьность или единичность, единица. Трудное и легкое или степень трудности осуществления подразумевает возможность, потенцию. А что обеспечивает осуществление единицы, возможность ее наличия? Конечно, вторая «женская» позиция триединства, двойка как множество, на фоне которого только и вырисовывается единица. Длинное и короткое, длина ассоциируется с «пятью под стопой» — начальной точкой «далекого пути» (64) и соответствует третьей позиции, выводящей на грань этой «дали» — множества вещей.

Полна подобных ассоциаций со структурой триединства и вторая триада пар противоположностей. Что касается поведения мудреца, то в нем триада аспектов: рождать — делать — совершать подвиги. Рождение вызывает прямую ассоциацию с рождаемой единицей, делание — с ее оформлением двойкой, создающей целостность пары, то есть уже единицу лиминальную, на грани первых двух чувственно воспринимаемых чисел; и совершение подвигов, означающих полную законченность «дела», указывает на окончательное оформление исходной единичности, выводящее ее на порог чувственного мира.

Глава 3

Когда не возвышают лучших, в народе нет соперничества; Когда не ценят редкие товары, в народе не бывает воровства; Когда устраняют все соблазны, сердце народа не находится в смятении. Вот почему Премудрый человек при наведении порядка делает сердца людей пустыми, а желудки полными, стремления

слабыми, а кости крепкими. Он неизменно побуждает народ пребывать без знаний и желаний. А на знающих влияет так, что они не смеют действовать. Когда приводят в действие бездействие, то неизбежно добиваются порядка.

Комментарий к главе

Первые три положения начальной части главы образуют триединую структуру, где то, чем предлагается пренебрегать — «лучшими» людьми, «редкими товарами» и «соблазнами» (дословно: «желаемым», «вожделенным»), являются негативными аналогами трех ее позиций.

Вторая часть строится по принципу парности, тоже с отрицательными параллелями: «желудку» (более точно: «чреву», «нутру») и «костям» противопоставляются «сердце» и «воля» («желание»). «Сердце» — эмпирическое дифференцированное сознание. «Чрево» — суть человеческого существа, его цельность как «орган» мистической интуиции (см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Под «костями» понимается прежде всего «скелет», намекающий на структуру триединства, которая незыблемо крепка, будучи самотождественной, неразложимой «смесью» трех разных чисел — позиций. Ей противопоставляется «воля — желание», соединяющая ее обладателя с «редкими товарами» и «соблазнами». «Знать», то есть различать, и «желать» обладать различаемым также ведут к образованию «скелета», структуры, но уже не Дао, а эмпирического бытия. Тут же указываются другие важнейшие противоположности в учении Лаоцзы: пустота и наполненность, слабость и сила. Ведущим является образ наполненного чрева. «Наполнять» — ши означает также: «семя», «зерно», «плод», «истинное», «настоящее», «реальное», «факт», «деяние», «действительность». Зерно, плод символизируют источник жизни. Чье «нутро» полно, кто воспринимает жизнь «нутром», становится ее источником. Это и

будет настоящим деянием, равнозначным приобщению к космической целостности — «действию в бездействии».

Глава 4

Дао совершенно пусто, но при пользовании им его, пожалуй, не наполнить. Как оно глубоко! Это прародитель десяти тысяч вещей. Оно притупляет свою остроту, смиряет всю свою запутанность, смягчает силу своего сияния, делает единой свою пыль. И как же оно скрытно! Но существует, кажется, на самом деле. Я не знаю, чье оно дитя. Похоже, что предшествует Владыке.

Комментарий к главе

Это первая глава, всецело посвященная определению Дао как лиминальной единичности.

«Дао совершенно пусто» — «Дао чун», где чун в своем первоначальном значении есть то, когда «чаша пуста».

Исходное определение Дао — пустота чаши. И потому в следующей фразе говорится уже о ее «использовании» — «наполнении». Отсюда и «глубина» Дао — емкости, которую «не наполнить», означающая буквально «пучину», «бездну», «бездонно глубокое». «Использование» отмечает пригодность и полезность, указывающие, в свою очередь, на вещьность.

Все это есть Дао как «вещь», то есть в качестве триединства или лиминальной единичности (см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). В данном качестве оно вмещает, или, иначе говоря, творит абсолютно все, являясь «прародителем» сущего — «десяти тысяч вещей».

В четырех последующих положениях раскрываются этапы его становления как триединства. Слово «острота» — жуй означает прежде всего то, что сужается, сосредоточивается в одной точке и является лучшим, отборным, превосходящим остальное. Это есть Дао, «порождающее единицу». Его «притуплением» будет переход от единицы к двойке — множеству, «притупляющему» сосредоточенность на одном. На единицу указывает и «запутанность», равнозначная «смеси», смешению в одно, и потому «смирение», дословно означающее «расчленение», отмечает тот же переход к двойке, «расчленяющей» единицу. Слово «смягчать» буквально означает «привести к гармонии». Гармония у Лаоцзы есть смесь. Поэтому смягчение силы сияния соответствует тройке, создающей целостность пары, «смещение» ее первых членов — противоположностей. И на ту же третью позицию указывает приведение к тождеству «своей пыли» — «пыли» первых трех чисел, на которые «рассыпается» исходная единица. Получаются две пары высказываний, выражающие соответственно переходы от единицы к двойке и от двойки к тройке — структуру триединства.

В последней строке «Владыка» — верховное божество древних китайцев. Лаоцзы придает своим высказываниям в этой главе оттенок сомнения, чтобы подчеркнуть неуловимость переходного лиминального Дао, недоступного словесному понятийному определению.

Глава 5

Небо и Земля не человечесны. Они видят в десяти тысячах вещей лишь соломенных собак; Премудрый человек не человечесен, он видит в ста фамилиях лишь соломенных собак. Промежуток между Небом и Землей — это как кузнечные мехи: они пусты, но

не иссякают, а движутся и все больше производят. Многоречивость для числа — тупик, лучше придерживаться середины.

Комментарий к главе

Главный вопрос этой главы — соотношение единого и многого. Дао как лиминальная единичность предстает в образах «промежутка между Небом и Землей», «кузнечных мехов» и «середины». В промежутке граница совпадает с пустотой, в кузнечных мехах подчеркивается «неиссякаемость» и пустоты, то есть ее беспредельность, и сочетание пустоты, тождественной покою, с движением — творчеством.

Многозначительна семантика слова «середина», особенно такие его значения как: «центр», «промежуток», «средоточие», «главное», «внутреннее», «глубинное», «душа», «нутро». Все это подводит к пониманию лиминальной единицы как бытийной емкости — пустоты, неиссякаемого творческого источника жизни.

Ключевой здесь является предпоследняя строка: «Многоречивость для числа тупик». Возможны другие варианты перевода: «Многословие приводит к частым неудачам» или: «Многоречивость оборачивается плохим концом». Именно этим вариантам отдается предпочтение в переводах «Дао дэ цзина». Но Лаоцзы нередко прибегает к нарочитой многозначности, используя то или иное слово в его широком семантическом спектре. Это относится к слову шу, которое имеет значения: «число», «количество», «счет», «арифметика», «считать», «перечислять», «несколько», «много раз», «частый», «плотный», «быстрый», «искусство», «игра», «принцип», «правило», «судьба», «рок», «осуждать». И чисто грамматически, и исходя из контекста «Дао дэ цзина», в котором числу придается трансцендентный смысл (27, 42), шу в данной фразе указывает не только на часто происходящее или на судьбу, а одновременно может пониматься и в своем основном значении числа. По Лаоцзы, многое избегает унич-

тожения, конца, тупика, составляя только единое целое, одно, лиминальную единицу. Так сберегается бытийное число, тождественное бытию и сущности числового ряда. Не случайно оно ставится, как и в главе 27, сразу же после упоминания о слове. Функция множественности иносказательно раскрывается в ее сравнении с соломенными чучелами собак, которых в Древнем Китае использовали в качестве очистительной жертвы духам и в конце обряда, как уже совершенно ненужную вещь, попирали ногами и сжигали. Множественность не имеет самостоятельного значения и служит лишь достижению целого — лиминальной единичности.

Глава 6

Душа долины не подвластна смерти и зовется сокровенной самкой. Врата же сокровенной самки — это корень Неба и Земли. Она, такая непрерывная, вроде существует. При ее использовании не требуется никаких усилий.

Комментарий к главе

«Дух долины», «сокровенная самка» — иносказания лиминальной единичности или триединства. «Сокровенная самка» как «корень Неба и Земли» тождественна «безымянному» (1). Небо и Земля — пара противоположностей; являясь ее «корнем», «началом», «самка» и «безымянное» образуют целостность пары, связующее звено противоположных членов, тождественное промежутку между ними, их грани, границе. Слово «самка» означает еще «замочную скважину» и «русло горного потока» или «ущелье», эти значения здесь тоже подразумеваются в связи с тем, что «самка» выступает определением «души долины».

И в долине, и в самке на первый план выходит образ ограниченной пустоты, порожней емкости, творящей мир. «Непрерывность» указывает на нераздельное единство, тождество составляющих пару противоположностей. «Самка», женское начало, оказывается ведущим, главным в образовании такой пары, самого принципа парности, совпадающего с триединством. Поскольку это грань, нечто ускользающее, трудно уловимое, то и кажется чем-то эфемерным, нереальным. Отсюда и оттенок сомнения: «вроде существует». Ее не требующее усилий использование — эквивалент «действия в бездействии», равнозначного пребыванию в нераздельной целостности со всем миром.

Глава 7

Небеса с Землею долговечны. Небо и Земля могут быть долговечны, так как не живут сами по себе, и поэтому они способны вечно жить. Вот почему Премудрый человек предпочитает находиться сзади, а оказывается впереди и, отстраняясь от себя, себя сохраняет. Не потому ли это, что у него нет личного? Но именно поэтому он может свое личное осуществить.

Комментарий к главе

Сравнение «Премудрого человека» с «Небом и Землей» намекает на необходимость соблюдать космический принцип пары в человеческой жизни — жить только в паре, в нераздельном единстве с миром. В этом смысл «отстранения от себя» и самопринижения.

Главная тема главы — связь долголетия, жизни вообще, с понятием личности. В начале говорится о достижении вечной жизни, а в конце об «осуществлении личного». Уже чисто композиционно Лаоцзы подводит к мысли о тождестве личности и бытия.

Пренебрежение «личным» подразумевает отказ от себялюбия, от противопоставления себя другим. «Себя» — перевод иероглифа шань — «тело», указывающий на вещественную единичность человека. Только при вхождении с миром в пару при создании ее целостности, равнозначном пребыванию на грани между собой и всем остальным, возможно «осуществление личного», становление подлинной личности, обретение своего «я».

Глава 8

Высшее добро сходно с водой. Добро воды состоит в том, что она приносит пользу десяти тысячам вещей и при этом не соперничает. Место, где она пребывает, ненавистно для толпы, поэтому она и близка к Дао. Добрым местом обитания является Земля, добром для сердца выступает глубина, добро в общении составляет человечность, добро в высказывании — это искренность, добро в правлении исчерпывается порядком, добро деяния заключается в способности, добро движения есть время. Не соперничает и поэтому не вызывает осуждения.

Комментарий к главе

Центральным в этой главе является слово шань, которое повторяется в девяти из тринадцати строк и ставится почти в каждой точно посередине. Его основные значения: «хороший», «добрый», «дружественный», «считать хорошим», «быть умелым, искусным в чем-либо», «хорошо владеть», «улучшать», «любить», «дорожить», «хорошее», «добро», «достоинство». Оно достаточно подробно анализируется вместе с понятием «добродетель» в главе «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Добро есть искусство жизни, состоящее в умении находиться посредине мира, в промежутке, на границе между противоположностями (а из них образуется абсолютно все), то есть быть образующим целостность их пар, вмещающим пустым местом. «Добро» воды и определяется по «месту» ее пребывания, означающему устремленность вниз, приниженность. Вода является иносказанием Дао как лиминальной единичности. И перечисление видов добра — от «места пребывания» до движения — раскрывает парную, а значит, и триединую структуру этой единичности, ибо заключено в рамки пары двух основополагающих противоположностей самого Дао: «пребывания на месте» — цзюй, подчеркивающим состояние неподвижности-покоя и движения. Ведь Дао как «вещь», то есть в качестве лиминальной единицы, и «стоит одна» и «ходит кругом».

Глава 9

Наполнить до краев, придерживая, чтобы не разлить, — не идет в сравнение с тем, когда уже пусто. Не сохранить надолго острым то, что натачивают все острее. Когда забита вся палата золотом и нефритом, никто не сможет их сберечь. Кто гордится тем, что знатен и богат, сам обрекает себя на несчастье. Дао Неба в том, чтобы успешно завершить свои труды и удалиться.

Комментарий к главе

В этой главе богатство, знатность и обусловленная ими высокая самооценка, как то, что составляет цель и кульминацию в эмпирическом становлении людей, сближаются с физическими свойствами наполненности и остроты. Наполненный сосуд символизирует отход от Дао, образом которого является пустота чаши. Тут же возникает вопрос и о связи с бытием: «наполнить до краев» и бояться как бы «не разлить» намекает на опасность для

жизни стремления к полноте эмпирического существования. В соответствии с Дао для сбережения жизни требуется не максимум, а минимум наличия, пребывание на грани наличия и отсутствия, представленного в образе того, кто «удаляется» — туй, то есть «отходит», «отступает», «возвращается домой», «успешно завершив свои труды».

В слове «острый», частично разобранным в комментарии к главе 4, в данном случае, кроме сведения на нет и превосходства над остальными, на первый план выходят еще два значения: «острое оружие» и «спешка». Крайне отточенный — не просто острый, а предельно четкий, выявленный, отграниченный, подчеркивает выделение, выпячивание себя, противостояние другим, стремление в противоборстве с ними, будучи как оружие острым, в них «вонзиться», занять их место. В утверждении невозможности долго сохранять такую «заостренность» читается тот же намек на ее несовместимость с вечной жизнью и истинным бытием.

Глава 10

Возможно ли, сохраняя душу и в объятиях с единым, с ними не расстаться? Возможно ли, как младенцу, сосредоточивать дыхание и быть предельно мягким? Возможно ли избавиться от недостатков, если добиться чистоты и зреть сокровенное? Возможно ли без знаний любить народ и управлять страной? Возможно ли без самки открыть или закрыть Небесные врата? Возможно ли, находясь в бездействии, все ясно понимать? Рождать и взращивать, чему давать жизнь — не иметь, на свои действия не опираться, быть старшим, но не властвовать — это зовется сокровенной добродетелью.

Комментарий к главе

Вся глава представляет собой развернутое определение называемой в самом ее конце «сокровенной добродетели». В шести вопросах первой части (снова можно выявить пару триад в соответствии со структурой триединства) ключевым является понятие «способности» — нэн, переводимое здесь словом «возможно». Особого внимания заслуживает тезис о «сосредоточении дыхания». Основные значения слова «дыхание»-ци: «газ», «пары», «дыхание», «дуновение», «воздух», «атмосфера», «климат», «погода», «сезон», «запах», «нюх», «энергия», «жизненная сила», «духовное состояние», «дух», «нрав», «темперамент», «материя». Из всех трех случаев его упоминания в «Даодэцине» в двух оно связывается с младенцем (10,55), а в одном — с пустотой, точнее с пустотой чаши (42). В соединении с младенцем ци предстает как первое проявление жизни, принадлежность же к пустой емкости позволяет тогда отождествлять ци прежде всего с дыханием. Тут сразу возникает ассоциация с «кузнечными мехами» (5) — иносказанием лиминальной единичности, на которую намекает и образ младенца. Нагнетание, концентрация воздуха в мехах и его выпуск, как знак этого творящего мир единого, составляет прямую аналогию с концентрацией дыхания младенца.

Разные толкования в комментаторской традиции получает понятие «Небесных врат». Наиболее обоснованной версией является его отождествление с «вратами множества чудес» (1), то есть с самим Дао, взятым в качестве лиминальной единичности. Это также и «врата сокровенной самки» (6). Небо у Лаоцзы часто связывается с Дао и может даже его заменять (67, 73), а «врата» указывают на свойственную ему лиминальность. «Закрытие» и «открытие» этих «врат» соответствуют покою и движению Дао. И как покой совпадает с движением при счете до трех, который заканчивается на неизменной единице, так и «закрыто-открытыми» являются «Небесные врата». Оставаться пустым, в

покое, закрытым значит становится открытым, двигаться, вмещать, наполняться, творить.

Следующая после вопросов заключительная часть, почти полностью повторяется в главе 51 «Даодэцзина», и два ее положения встречаются во второй главе. Она тоже вполне соответствует структуре триединства. Слово «властвовать» — цзай означает также «забивать скот», «разделять мясо». В этой главе впервые в «Дао дэ цзине» приводится одно из главных его понятий «добродетель» — дэ. Его древняя семантика в качестве основных включает такие значения, как «добродетель», «высокая нравственность», «добро», «благодетель», «доброжелательность», «качество», «дарование», «достоинство», «доблесть», «счастье», «благо», «быть признательным» и др. О правомерности перевода дэ как «добродетели» см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 11

Ступицу окружают 30 спиц, но пользоваться повозкой позволяет пустота отверстия в ступице. Мнут глину, чтобы вылепить сосуд, но пользоваться сосудом позволяет его пустота. Строя дом, проделывают дверь и окна, но пользоваться домом позволяет его пустота. Приносит пользу то, что в них имеется, но пользоваться ими позволяет то, чего в них нет.

Комментарий к главе

В этой главе речь идет, по сути, о двух видах пользы. Один из них выражен словом, переводимым здесь как «польза» — ли. Кроме «пользы», «выгоды», а также «прибыли» его основное значение: «острый», и данное понятие связывается с тем, что «имеется», то есть с «наличием» — ю, наличным предметным

бытием. На другой вид пользы указывает слово юн, переводимое как глагол «пользоваться» и означающее: «использовать», «употреблять», «расходовать», «назначать», «употребление», «польза», «пригодность», «назначение», «нужда», «средство», «функция», «действие». Это понятие, в отличие от ли, соединяется с тем, чего «нет», с «отсутствием», «неналичием» (в переводе передано также словом «пустота»).

Лаоцзы выступает против отделения одного вида пользы — ли от другого — юн, поскольку они едины, как «наличие и неналичие», которые «друг друга порождают» (2). Погоня за пользой — выгодой (ли) с ее предметной «заостренностью» равнозначна себялюбивому противостоянию другим: его образом является увлечение «острым оружием»; определение «оружия» как «острого» передается тем же словом ли (53, 57). Ведущей из этих двух видов Лаоцзы считает пользу неналичия, находя именно в ней само свойство вещи быть вещью, вещьность (см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Глава 12

Пять цветов ведут к утрате зрения, пять тонов ведут к потере слуха, пять ощущений вкуса расстраивают вкус, охотничий азарт приводит к умопомрачению, редкие товары делают людей преступниками. Именно поэтому Премудрый человек заботится о чреве и пренебрегает тем, что можно лицезреть очами. Он отбрасывает то и берет это.

Комментарий к главе

В этой главе Лаоцзы негативно оценивает эмпирическое сознание, признавая его губительным для здоровья и благополучия человека. Символом такого сознания становятся «очи», высту-

пающие наиболее ярким признаком исключительной ориентации на чувственное предметное бытие.

Число пять связано с традиционным древнекитайским представлением о мироустройстве. Согласно ему, космос, все предметы и явления, образуют вполне определенную систему взаимосвязей, где ведущими являются силы Инь и Ян (о них см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания») и «пять элементов»: вода, огонь, металл, дерево, почва, которым соответствуют «пять цветов», «пять звуков» и «пять вкусов». Их схема могла быть такой:

- пять элементов — металл, дерево, вода, огонь, почва;
- пять цветов — белый, синий, черный, красный, желтый;
- пять звуков — шан, цзюэ, юй, чжи, гун;
- пять вкусов — острый, кислый, соленый, горький, сладкий.

В конце главы формулируется ее главная антитеза: «очам» противопоставляется понятие фу, означающее: «живот», «брюхо», «чрево», «утроба», «нутро», «центр», «середина», «внутренний», «глубинный», «обнимать», «охватывать», «лелеять». О нём как о синониме интуитивного знания и истинного бытия см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания». Тот же смысл в противопоставлении «этого» «тому», где «это» ассоциируется с «я» (см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Глава 13

Благоволение сменяется позором наподобие того, как конь трепещет. В знатности, как в нашем теле, заключено великое несчастье. Что подразумеваю, когда говорю: благоволение сменяется позором наподобие того, как конь трепещет? Благоволение проявляют к низшим. При обретении его они походят на вострепе-

тавшего коня и походят на вострепетавшего коня, когда лишаются благоволения. В этом смысл высказывания: благоволение сменяется позором наподобие того, как конь трепещет. Что значит в знатности, как в нашем теле, заключено великое несчастье? Я потому страдаю от великого несчастья, что у меня есть тело. Но разве испытаю я несчастье, если у меня не будет тела? Кто своим телом станет Поднебесной, когда знатен, тому можно ее поручить. Кто своим телом станет Поднебесной, будучи любимцем, тому можно ее вверить.

Комментарий к главе

Здесь — два наиболее важных для понимания всей главы слова. Первое — цзин: «бояться», «страх», «беспокоиться», «содрогаться», «потрясение», указывающие в своем исходном значении на то, когда конь от испуга трепещет, шарахается, безудержно мчится, не подчиняясь управлению. Об этой основополагающей эмоции в земном человеческом самоутверждении, негативном корреляте метафизического страха см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Вторым понятием является шэнь — «тело», «туловище», «ствол», «сам», «свой», «лично», «я». Имеется в виду не только плоть, не «тело» лишь в физическом смысле, а эмпирическая личность человека в ее вещественной определенности и единичности. Тезис об отождествлении такой личности с Поднебесной, то есть со всем сущим (в несколько иной формулировке он приводится также в главе 26), равнозначен добродетели самоуничтожения и уступчивости, только и обеспечивающей универсальность и личную духовную свободу человека.

Глава 14

На что гляжу, но не могу увидеть, называю ровным; что слушаю, но не могу услышать, называю редким; что пробую схватить, но никак не удастся, называю крошечным. Эти три расследовать нельзя, и потому создам из них одно, смешав. Что у него вверху, то не блестит, а что внизу, то не тускнеет; оно бесконечно и ему нельзя дать имени. Все время возвращается к отсутствию вещей. Это вид невидного, образ отсутствия вещей. Оно расплывчато, неясно. При встрече с ним не видят его спереди, а следуя за ним, не видят сзади. Владеют Дао древности, чтобы править нынешним наличием; в способности знать древнее начало заключена разгадка Дао.

Комментарий к главе

Одна из центральных глав, наряду с главами 21 и 25, посвященная описанию Дао как лиминальной единицы.

Структура первой части, которая завершается формулировкой триединства, рассматривается в главе «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Триединое имя Дао — «ровное», «редкое», «крошечное» часто переводят, исходя не из семантики составляющих его слов, а из общего смысла отрывка: «невидное», «неслышное», «неощутимое». Но следует учитывать и контекст «Дао дэ цзина» в целом. Слово «ровный», кроме этой главы, встречается еще только в двух случаях, и оба раза прилагается в качестве эпитета «ровный» к Дао как к «пути» (41, 53). Путь настолько ровен, что на нем ничего не выделяется, не различается, и потому не видно, то есть сплошное равенство единицы. Замена «редкого» или «редкостного» -си на «неслышное», подчеркивая сверхчувственный аспект триединства, упускает важный для Лаоцзы акцент в этом

слове на значении «единственный», «уникальный». Оно встречается в «Дао дэ цзине» шесть раз, в трех из них относится к слову (23), мелодии (41), к тому, что требуется услышать, а в трех остальных случаях указывает именно на редкость, тождественную единственности (43, 70, 74). Уже из такого сочетания напрашивается определение слова и музыки Дао прежде всего как неповторимо единственных, уникальных, тождественных лиминальной единице. И они могут прозвучать в качестве неповторимого, уникального чуда бытия. Слово «крошечный» — вэй встречается, включая данную главу, четыре раза (14,15, 36, 64). Наряду с такими значениями, как «крошечный», «мелкий», «незначительный», оно имеет и другие: «скрытый», «тайный», «неясный», «скрывать», «глубокий», «сокровенный», «тонкий», «низкий», «худородный», «приходить в упадок», «хиреть». То, что в нем на первый план в «Дао дэ цзине» выходит значение именно «крошечного», «мельчайшего», яснее всего видно по его употреблению в главе 64, где вэй указывает на предмет, требующий «рассеивать», «рассыпать». «Рассыпать», «рассеять» легче всего именно «мельчайшее», «крошечное». Оно тогда относится к завершающей позиции триединства, когда «первозданное рассыпается на чаши» (28). Об этом же говорит его связь с «просветом» (36), относящимся к той же позиции. «Редкое», определяя в первую очередь слово и музыку, соответствует в числовой структуре двойке. Оно «выражает» изначальное «имя» — пороговую единицу и является той музыкальной «гармонией» — «смесью», которая создает целостность «пары». Принадлежность «ровного» к первой позиции триединства тоже несомненна.

Средняя часть представляет собой описание «вида», «лика» Дао. Начало описания строится по вертикали «верх — низ», середина — «смещение». Дао «расплывчато, неясно», ибо «безымянно» и не имеет очертаний, «вид невидного» с отсутствием предметного разграничения, а конец выводит на горизонталь «вперед — сзади», равнозначный рассмотрению Дао в аспекте времени:

«переднему» соответствует древность, «заднему» — современность, о которых и говорится в заключение главы. Незначительное различие в «облике» Дао верха и низа, переднего и заднего свидетельствует о его целостном промежуточном состоянии, в котором эти пространственные координаты при взаимном разделении в то же время абсолютно тождественны, отмечая начальную и конечную грани пороговой единицы, образуемой «смесительным» действием «расплывчатой» второй позиции. Данное описание полностью укладывается в структуру триединства. Стоит отметить, что у него одинаковые рамки: вертикаль(верх-низ) и горизонталь-время(переднее-заднее) со второй триадой пар противоположностей из главы 2.

О связи древности и современности, подводящей к «разгадке Дао», см. главы «Тайна единицы» и «Между строк», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 15

Искусные мужи древнего времени были тонки, чудесны, сокровенны, пронизательны. Их глубины не различить. А раз не различить, то опишу их через силу внешне. Они выглядят такими нерешительными, словно зимою переходят реку. И такими неуверенными, словно боятся окружающих соседей. Своей учтивостью напоминают гостя. Расхлябанны, как лед перед началом таяния. Они просты, как деревья обрубков, и просторны, как долина. У них все смешано, словно в грязи. Кто может, успокаиваясь, постепенно добиваться чистоты в грязи? Кто может при посредстве вечного движения постепенно воскрешать в покое? Кто сберегает это Дао, не стремится к полноте; ведь потому лишь, что не полон, он в состоянии, не прибегая к новому, достигнуть совершенства в ветхом.

Комментарий к главе

Дао как «вид» лиминальной единицы, рисуемый в предыдущей главе, дается здесь уже в человеческом «лице». В переводе «внешнее» и есть «лик» — жун, означает также «вмещать», «емкость» и в этом значении выражает у Лаоцзы само понятие бытия — пустой вмещающей емкости. На это указывает приводимая в начале обобщенная характеристика «искусных мужей». «Тонки» — одно из значений отмеченного в предыдущей главе третьего имени Дао — «крошечный». Здесь впервые встречается лишь слово «проницательны», которое указывает не только на глубину понимания, но и на метафизическую способность проницать, понижывать все существующее, свойственную «неналичию», «проходящему в то, что не имеет промежутка» (43).

Описанию самого их «лика» посвящена средняя часть главы. Смысл «нерешительности» и «неуверенности» раскрывается в слове «бояться», указывающем в данном случае на страх перед всем своим ближайшим окружением. К этому чувству Лаоцзы относится в нескольких случаях отрицательно, имея в виду страх перед правителем, властями (17, 72). Но в метафизическом смысле он оказывается наиболее ценной эмоцией в «Дао дэ цзине» — это боязнь «сойти с Великого пути» (53) и страх перед смертью (74), тождественный ее почитанию (80). Пренебрежение смертью (75), как и противником (69), Лаоцзы категорически не приемлет. Боязливость «искусных мужей» — это метафизический страх перед смертью — неналичием, составляющим ближайшее окружение всякого наличия. Ведь истинное бытие есть грань наличия и неналичия. На ней оставаться не легче, чем идти по тонкому льду. Учтивость, то есть уступчивость гостя, соответствует основному качеству бытия как пустого места: уступать себя для вмещения других. Сравнение со «льдом перед началом таяния» — та же метафора пребывания в промежуточной онтологической области, на грани исчезновения. Слово «обрубок дерева» — пу, в исходном значении: «необработанная дре-

веса», тоже отмечает пороговую, на грани появления, единицу и в других случаях переводится как «первозданное» (19, 28, 32, 37, 57). «Долина» намекает на Дао в смысле пустой вмещающей емкости, а «грязь», муть смешения подчеркивает его неразложимую целостность в качестве «вещи, совершенной по смеси» (25).

В заключение «искусность» древних мужей уже ставится Лаоцзы в виде вопроса о способности добиться тех же качеств, обращенного к своим современникам. «Чистота» (означает еще и «беспримесность») в «грязи» подразумевает различие и тождество в Дао структуры и ее «смешения» — отсутствия, части и целого. «Вечное движение» в «покое» как источник жизни — образ истинного бытия, равнозначного триединству, где движение тождественно покою. В выводе о том, кто «сберегает это Дао», отказ от «полноты» и «новизны» акцентирует необходимость пребывания на грани пустоты — отсутствия, а значит, и старого, ветхого, уже уходящего из эмпирического, настоящего. Постепенность, неторопливость — антитеза поспешности, отрицаемой в главе 26.

Глава 16

В пределе достижения пустоты неколебимо сберегается покой. В возрастании десяти тысяч вещей я зрю их возвращение. Вещей несметно много, и каждая возвращается к своему корню. Возвращение к корню называется покоем. Это означает возвращение к судьбе. Возвращение к судьбе делает незыблемым, знание незыблемого называется просветом. В незнании незыблемого — зло бессмысленного становления. Знание незыблемого емко, в емком общее, общее есть царь, царь — это Небо, Небо означает Дао, а если — Дао, значит, вечен и в безопасности всю жизнь.

Комментарий к главе

В главе два ведущих смыслообраза, на противопоставлении которых она построена: цзо — возрастать, «входить в силу», на нее уповать и «корень»-гэнь, «возвращение» к нему. Семантика цзо и её суть как эмпирического становления рассматривается в комментарии к главе 2 «Даодэцина». «Зло» и «абсурд» эмпирического становления заключаются в том, что, несмотря на достижение какой бы то ни было «силы возмужалости» (включая богатство и знатность), «ей на смену спешит старость» и смерть (55). Подробный анализ этого «зла» см. в главе «Обрести себя», из книги «Пять тысяч слов молчания». Под «корнем» имеется в виду «корень Неба и Земли» — «врата сокровенной самки» (6), «тяжесть» (26), а также «Дао вечной жизни и нескончаемого видения» (59). Он вполне идентичен формулируемым в начале абсолютному покою и пустоте и равнозначен Дао как всеохватной бытийной емкости. Отсюда и «знание незыблемого» — Дао совпадает с понятием емкости, которое, в свою очередь, отождествляется с общностью. Слово мин — «судьбы» могло еще означать «приказ», «жизнь», «имя», «назначение на должность» и др. В данном контексте ближе всего к нему все же понятие «судьбы» как непостижимо неизбежной сути жизни, «возвращение» к которой становящихся, уповающих на силу вещей происходит только в результате их смерти.

Последовательный ряд отождествлений: знание незыблемого — емкое — общее — царь — Небо — Дао — вечность и безопасность располагается согласно структуре триединства, но в обратном порядке от конца — грани чувственного бытия к изначальному Дао, где вечность и безопасность совпадают с абсолютным покоем и пустотой. Эта исходная «корневая» граница составляет и композиционную рамку данной главы.

Глава 17

Наивысший — это когда низшие лишь знают о его существовании; ниже его тот, кого с любовью хвалят; еще более низкого — боятся, самого же низкого — презирают. Кто не способен доверять другим, тому не доверяют. С какою неуверенностью наивысший относится к словам! Он ими дорожит! Когда же свершены дела, достигнуты успехи, то все в народе говорят: «Я самостен».

Комментарий к главе

О четырёх типах правления, определяемых по отношению к правителю «низших» и совпадающих с этапами исторической деградации общества в учении Лаоцзы, см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Первое, «наивысшее» правление-этап как мир Дао противопоставляется всем последующим, главной, объединяющей чертой которых является отсутствие доверия. Под «доверием» — сию подразумевается органическое единство «высшего» и «низших», переживаемое каждым изнутри, в своем «я». Поэтому начальное и последнее понятия главы оказываются тождественными: понятие «наивысший» для «ста фамилий» есть их самостное «я». «Доверие», означающее также «искренность», «правдивость» и «известие», связывается в «Дао дэ цзине» со словом (8, 63, 81). И в данной главе вслед за «доверием» сразу же говорится о слове. «Неуверенность» в отношении к нему вполне идентична тому «промежуточному» состоянию, в котором находятся «неуверенные», но «искусные мужи» (15), пребывающие на грани наличия и отсутствия. Слово означает саму эту грань и, будучи бытийным, обладает той же ценностью, что и «кормящая грудью мать» (20), «добродетель» (51), «сокровенное тождество» (56), «это Дао» (62), «я» (70).

Глава 18

Лишь стоит пренебречь великим Дао, приходят с человечностью и справедливостью. А возникает мудрость, и появляется большая ложь. Когда враждует вся родня, то начинают исповедовать сыновнюю почтительность с родительской любовью. Страна объята распрей, и тогда жалуют преданные подданные.

Комментарий к главе

Приводимые здесь понятия и принцип их структурной взаимосвязи см. в главе «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания».

Глава 19

Когда отринут мудрость и отбросят знания, от этого народу польза возрастет во много раз. Когда отринут человечность и отбросят справедливость, в народе воцарятся вновь сыновняя почтительность с родительской любовью. Когда отринут изощренность и отбросят выгоду, то воры и разбойники переведутся. Эти три дают лишь лоск и не годятся, поэтому проникнись главным: будь безыскусен, неразлучен с первоизначальным, уменьши свое личное, умерь желания.

Комментарий к главе

См. комментарий к предыдущей главе. «Лоск» — перевод слова *вэнь* с первоначальным значением: «узор», «орнамент», «татуировка» и отсюда — «украшение», «узорчатый», «цветистый». Оно уже в древности означало «письменность», «литературу» и вообще понятие культуры, которое за ним впоследствии и за-

крепилось. Негативно относясь к культурному «лоску», Лаоцзы противопоставляет ему безыскусность и первозданность. О первозданном см. комментарий к главе 15. «Безыскусное» — су, в исходном значении — «некрашенный шелк».

Глава 20

Не ведаешь заботы, когда перестаешь учиться. Как мала разница между словами «да» и «ладно»! И как же связаны между собой прекрасное и безобразное! Чего страшатся люди, не может не страшить. Какое запустение! Нет этому конца! Толпа находится в веселье, словно на пиру или на празднике весны. Один я только пребываю безучастным и ни в чем себя не проявляю, как новорожденный, который еще не научился улыбаться. Я выгляжу понурым как бездомный. В толпе у каждого имеется какой-либо излишек, и лишь у одного меня — словно все утеряно. Какое сердце у меня, глупца! В нем столько безрассудности! Обыденные люди отличаются понятливостью, один я только ничего не смыслю. Обыденные люди дотошно во всем разбираются, один только я остаюсь невеждой. Какое у меня спокойствие! Оно напоминает океан. Несусь как ветер в вышине! Словно не могу нигде остановиться! Каждый из толпы находит себе применение, один я являюсь ни на что не годным неучем. В отличие от остальных людей, я дорожу лишь тем, чтобы меня кормила грудью мать.

Комментарий к главе

Из «личных» глав — центральная в «Дао дэ цзине». В ней дается образное раскрытие сущности человеческой личности. Вводное изречение о связанных с учением заботах, при своей внешней оторванности от содержания остальной главы, вполне вписывается в ее контекст. Учеба предстает у Лаоцзы как один из самых

наглядных знаков эмпирического становления, уводящего людей от пребывания в «чуде» возникающей жизни, от истинного сотворения, бытия на грани неналичия и бездействия (ср. с 48).

«Да» и «ладно» — утвердительные частицы при ответе, выражающем согласие. Разницы между ними по сути нет. Ставя в параллель к этому, сходство прекрасного с безобразным, Лаоцзы намекает на то, что истинное бытие, обеспечивающее вечную жизнь, относится к среднему, промежуточному звену противоположностей, связующему их в целостность пары — триединство.

Далее следует один из важнейших тезисов о необходимости страха, под которым подразумевается метафизический страх смерти (см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Хуан, в переводе — «запустение» означает также: «заросшая сорняками», «невозделанная земля», «пустошь», «неурожай» и «распушенность», «излишество в удовольствиях». Этот образ (ассоциируется с картиной из главы 53, где есть строка: «поля заполняют сорняки») является переходным от тезиса о страхе к описанию беззаботности людей, не понимающих всего ужаса смерти.

Затем даются родовые признаки человеческого «я» в его противопоставлении «толпе» (см. в главе «Обрести себя», из книги «Пять тысяч слов молчания»). Кроме местоимения «я» здесь очень важно многократно относимое к нему слово ду — «один», в котором сливаются понятия одиночества и индивидуальности. Оно означает: «один», «только», «отдельный», «бездетный», «одинокий», «единственный», «индивидуальный», «особый», «оригинальный», «своеобразный». «Кормящая грудью мать» — иносказание добродетели, которая является определением Дао как лиминальной единицы, равнозначной подлинному человеческому «я».

Глава 21

Все вмещается великой добродетелью, и в этом она следует лишь Дао. Дао в смысле вещи всецело смутно и расплывчато. И в нем, таком смутном и расплывчатом, есть образы! И в нем, таком расплывчатом и смутном, есть вещи! И в нем, таком глубоком и неясном, есть сгущенность! Его сгущенность обладает высшей подлинностью. В нем все является реальным. Издревле и доныне не исчезает его имя. Так оно собирает множество великих. Откуда мне известно, каким видом обладает множество великих? Отсюда.

Комментарий к главе

О месте этой главы в «Дао дэ цзине» см. комментарий к главе 14.

В первой строке — общая характеристика добродетели, своего рода формулировка темы главы, а от нее сразу переход к понятию «Дао в смысле вещи», и уже ему посвящается вся средняя основная часть. Очевидно, что добродетель — это и есть «Дао в смысле вещи». Данное тождество подтверждается характеристикой добродетели как «великой» и в то же время «вмещающей». О семантике этих определений, приравнивающих добродетель к пустой емкости, см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». В его первой главе рассмотрено и понятие «вещи» в связи с намеченным здесь триединством «образа», «вещи» и «сгущенности». Определение добродетели как «Дао в смысле вещи» складывается из «пары» противоположностей: с одной стороны, Дао «глубоко», «расплывчато», «смутно» и «неясно», а с другой — отличается наличием «образа», «вещи» и «сгущенности». «Образ» — сян указывает на «форму», «фигуру», «портрет», «лицо», на нечто очерченное, ограниченное, имеющее свой «клик». В семантике «вещи» — у особенно важны

значения: «предмет», «сорт», «признак», в глагольной функции — «определить», «квалифицировать» и «выбирать». Семантический спектр «сгущенности» — цзин в исходном смысле — «отборный, очищенный рис», таков: «чистый», «рафинированный», «без примеси», «отборный», «утонченный», «ясный», «тщательный», «отделанный», «сгущенный», «эссенция», «экстракт», «семя», «сперма», «дух», «душа», «энергия». В этом понятии на первый план у Лаоцзы выходят «чистота», «ясность», «беспримесность», совпадающие с предельной концентрацией, сгущенностью. Исходным и потому ведущим в нем является именно сгущение, которым и достигается абсолютная чистота, тождественная полноценной единичности — единому. То что цзин есть прежде всего «сгущенность», доказывает его синонимичность другому важнейшему понятию — «дыхание», главным достоинством которого является именно концентрация (10), означающая «гармонию» — «смесь», сведение к одному, то есть ту же концентрацию противоположностей (42). Будучи «Дао в смысле вещи», добродетель выступает его определенностью, концентрирующей, сосредоточивающей в себе полную безобразность, беспредметность и затемненность («неясный» в исходном значении — «темный», «тусклый», «сумрак») с совершенной оформленностью, предметностью и ясностью. Это смыслообраз Дао как лиминальной единицы, в которой движение — создание структуры тождественно покою — бесструктурному целому.

«Подлинность»-чжэнь означает, «соответствующий действительности», «истинный», «фактический», «правда», «подлинный вид», «истинная сущность» и относит «Дао в смысле вещи» к тому, что есть на самом деле, к истинной бытийности. А словом «реальный» переводится «доверие»-синь, которое является также «вестью», откровением Дао, тождественным указанному выше подлинному бытию. Это и составляет вечное «имя» Дао.

Строка: «Так оно собирает множество великих» допускает и второй вариант перевода: «Так делается зримым прародитель

множества». Но он более натянут, чем первый. Перевод зависит от понимания слова фу — «великий». Из его семантики непосредственно не следует другое возможное значение, «отец отцов», идущее от более поздних источников. И выражение «множество великих» больше соответствует контексту «Дао дэ цзина». Это «множество» начинается с «четырех великих» (25), ибо к нему у Лаоцзы относится уже превышающее первые три числа, и оно указывает на все множество вещей в момент их рождения, когда они еще являются «чашами», на которые «рассыпается первозданное» (28).

Глава 22

Изогнутое цело, кривое прямо, пустое полно, ветхое ново, в малом обретают, при многом заблуждаются. Поэтому Премудрый человек держит в объятиях единое и в этом выступает образцом для Поднебесной. Себя не видит и поэтому находится в просвете; не считает себя правым и поэтому заметен; не хвастается и поэтому заслужен; не зазнается и поэтому всех старше. Он не соперничает и поэтому никто не может с ним соперничать. Разве не имеют смысла сказанные в древности слова о том, что изогнутое цело? К истинно целому и возвращаются.

Комментарий к главе

В первых шести парадоксальных высказываниях последнее явно отличается по смыслу от пяти предыдущих, подытоживая главную заключенную в них мысль. Отрицание «многого» как ценности предметного бытия (5, 57, 65, 75) свидетельствует о том, что перед этим речь идет о «переворачивании» предметных ценностей. Не ценимые человеческим миром изогнутость, кривизна, пустота, ветхость, малость приравниваются каждая своей считаемой в нем противоположности. Это полностью соответствует

пребыванию на грани противоположностей, прежде всего — наличия и отсутствия, когда по-настоящему существуют лишь при минимуме предметного наличия. Это и будет бытие как единое, заключенное «в объятия», вмещаемое мудрецом, взявшим на себя функцию пустой емкости. Такому «образцу» могут подражать только особым образом: именно вмещением в него, приводящим того, кто вмещается, в то же состояние ограниченной пустоты.

Четыре положения, следующие за «образцовостью» мудреца, раскрывают ее по позициям триединства — аспектам его сущностного самосозидания как вмещающей емкости. Негативным аналогом этому является эмпирическое становление, о котором говорится в главе 24 (см. о нём главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Вернуться — значит возвратиться домой и жить дома. Это «возвращение к корню» (16) — пустоте и отсутствию, составляющим истинное бытие.

Глава 23

То слово самостно, что редко. Поэтому-то вихрь не буйствует все утро, ливень не хлещет целый день. Кто это делает? Небо и Земля. Коль даже Небо и Земля ничего не в силах делать вечно, то человек тем паче. Поэтому и предаются Дао. У кого Дао, тот ему тождествен; добродетельный тождествен добродетели, утративший тождествен утрате. Кто отождествляет себя с Дао, того Дао тоже обретает с радостью; кто отождествляет себя с добродетелью, того добродетель тоже обретает с радостью; кто делает себя тождественным утрате, того утрата тоже обретает с радостью. Кто не способен доверять другим, тому не доверяют.

Комментарий к главе

Об указанных в первой строке «редкости» и «самости» в приложении к слову см. главу «Между строк», в книге «Пять тысяч слов молчания». В конце Лаоцзы говорит о «доверии», которое в своих значениях «правдивости» и «вести» относится к слову и даже составляет его сущность, то есть, начав данную главу со слова, он на нем же ее завершает. Одно только слово здесь и рассматривается. Но слово, конечно, не обычное, выходящее за рамки эмпирической действительности. Его «редкость» — уникальность, тождественная «слабости» предметного выражения, сочетается в нем с вечностью существования, как с тем, что противопоставляется кратковременности чувственных вещей (вихрь, ливень), обусловленной силой их проявления. Это слово на грани наличия и отсутствия, то есть само «Дао в смысле вещи» — «добродетель» (21). А такое Дао — добродетель в сфере предметного бытия предполагает не приобретение, но утрату (48). Отсюда и определение самостного слова — бытия как тождества с Дао, добродетелью и утратой. Слово «Дао» есть добродетель, добродетель же составляет утрату, равнозначную подлинному обретению — вечной жизни.

Глава 24

Долго на носках не устоять, далеко широким шагом не пройти. Кто себя видит, тот не ведает просвета; кто считает себя правым, не заметен; кто хвастается, не заслужен; кто зазнается, тот других не старше. У кого Дао, тот этого не делает, ибо такое поведение, согласно Дао, равняется тому, когда передеают или впустую ходят, а этого не любит, кажется, никто.

Комментарий к главе

Вся глава посвящена отрицанию эмпирического становления. На него указывают четыре положения — от видения себя до зазнайства, развернутые здесь как отрицательный аналог структуры лиминальной единицы (см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Их обрамляют строки, в которые вводятся две пары противоположностей: стояние на носках и ходьба широким шагом, переедание и ходьба впустую. Они вполне параллельны и по смыслу совпадают между собой. Обе эти пары также являются негативным соответствием лиминальной структуры Дао, где акцентируется, наряду с триединством, принцип парности. Само Дао и «стоит», и одновременно «ходит» (25).

«Переедание» явно ассоциируется с «чревоугодничеством» и «пресыщенностью», о которых говорится в главах 53 и 72 (о метафизическом и этическом смысле этих понятий см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»). «Впустую ходить» — значит не «ходить» как Дао, то есть не сформировываться в качестве лиминальной единицы — личности. «Стояние на носках», по семантике этого слова, подразумевает надежду, желание чего-либо добиться, и на то же, по сути, указывает «ходьба широким шагом» — «поспешность», которая отрицается в главе 26.

Глава 25

Существует одна вещь, совершенная по смеси. Она родилась прежде Неба и Земли. О, как она безмолвна и бесформенна! Стоит одна и неизменна, ходит кругом, и ей ничто не угрожает. Она может быть для Поднебесной матерью. Мне не известно ее имя. Наделяю эту вещь прозванием «Дао» и через силу отыскиваю для него имя «Великое». Великим называю уходящее, ухо-

дит — значит далеко находится, а далеко находится — значит возвращается. Поэтому-то Дао и велико, велико Небо, велика Земля, велик и царь. Во вселенной пребывают четверо великих, и место одного из них занимает царь. Примером для людей является Земля, для Земли примером служит Небо, для Небес примером выступает Дао, Дао свой пример находит в самости.

Комментарий к главе

Одна из самых важных глав «Даодэцзина». Все её понятия достаточно подробно рассматриваются в книге «Пять тысяч слов молчания», главным образом в её главах «Тайна единицы» и «Между строк». Остаётся только уточнить понятие примера, подражания, которое здесь не просто космологично, но является принципом метафизическим, бытийным. «Брать пример», «служить образцом», «подражать» — это взятое в глагольной функции слово фа, его основные, наряду с данным, значения: «приказ», «закон», «правило», «образец», «норма», «способ». Внешне «четверо великих», составляющих универсум в соответствии с указанным принципом образуют строгую иерархию, где низшая степень — человек, а высшая — самость. Но то, что высшим образцом, нормой, законом, выступает самость, сразу же всякую иерархичность устраняет. И человек подчиняется не Земле, Небу и даже не Дао, а собственной самости. Кроме нее, он не подчиняется ничему, что от него отграничено, отъединено, опредмечено, не входит в его сущность. Сама эта «иерархия» представляет собой ту же структуру лиминальной единицы, которую образуют «четверо великих». Если в качестве «великих» они ее составляют в последовательности от Дао к человеку, то в заключение, ориентирующем на подражание, приводится та же структура триединства, но в обратном порядке: от человека до Дао с завершающим акцентом на самости. Это подтверждается всей философией Лаоцзы. Человек, Земля, Небо и Дао проникают друг друга в самости, являясь в ней неразложимой «смесью» единого целого.

Глава 26

Тяжесть составляет корень легковесности, покой есть государь поспешности. Вот почему Премудрый человек, даже когда он целый день идет, не разлучается с тяжелой поклажей. И даже разместившись в царственных чертогах, он остается беззаботен и далек от мира. Да и как может властелин десятка тысяч колесниц относиться к себе легковеснее, чем к Поднебесной? При легковесности утрачивают корень, из-за поспешности теряют государя.

Комментарий к главе

«Легковесность» и «поспешность» характеризуют человеческую жизнь и в целом — предметное бытие; им противопоставляется их «корень» и «государь» — «тяжесть» и «покой», указывающие на Дао в качестве лиминальной единицы. «Корень» — тот же, что и в главах 6, 16, 59 «Дао дэ цзина». И он вполне тождествен «государю», как главенствующему метафизическому началу. Точно так же и «тяжесть» равнозначна «покою». Они сводятся в образ долгого («целый день») «хождения» в неотрывном, слитном единстве с «тяжелой поклажей». Этот образ подсказывается уже одним из значений слова «тяжесть» — чжун: «кладь», «грузовая повозка», «обоз». И в семантике «ходить», «хождение» — син, поскольку речь идет о «далеком пути», тоже может подразумеваться в качестве побочного смысл «дорожного снаряжения». Поклажа замедляет ходьбу, обеспечивая ее длительность, — явная метафора сложения лиминальной единицы — личности по принципу триединства: движение сливается с покоем, и счет до трех неизменно заканчивается на единице. Этот покой — незыблемость единого выражает и «беззаботность» правителя, его «далекость от мира». Он далек по своей сущности от чувственного бытия, но един с ним, с Поднебесной, которую в себя вмещает. Это и есть его «корень», единичность-единственность, его

личность. И она как целостность мира ценнее всей предметной множественности.

«Властелин десятка тысяч колесниц» указывает на верховного правителя Поднебесной — Сына Неба (Тянь цзы), царя. По системе административно — территориального деления Древнего Китая эпохи Чжоу (XI-III вв. до н. э.) Сын Неба мог выставить 10 000 боевых колесниц, князя (чжухоу) — по 1000.

Глава 27

Умелая езда не оставляет следа, от умелых слов не остается крапин, умея сосчитать, не прибегают к счетным биркам; когда умело запирают дверь, не применяют никаких замков, но ее не отпереть; когда с умением завязывают узел, не используют веревки, но его не развязать. Так и Премудрый человек проявляет неизменное умение спасать других, и потому нет брошенных людей; умеет с неизменностью спасать вещи, и потому они не брошены. Это зовут внезапно набегающим просветом. Поэтому-то добрый человек недоброму наставник, недобрый же для доброго опора. Когда не дорожат своим наставником и не щадят своей опоры, то пусть бы были даже и умны, но пребывают в тяжком заблуждении. В этом заключается вся суть и тайна.

Комментарий к главе

Здесь главное понятие — шань, используемое сначала в значении «уметь», «быть искусным в чем-либо», а затем, во второй части, — «доброто», «добра». Искусность незаметно переходит в добро, поскольку речь идет о метафизическом мастерстве сотворения, технике сбережения бытия. И потому в первых пяти высказываниях подчеркивается его сверхчувственный аспект: без «следов», словесных «крапин», «счетных бирок», «запоров»

и «веревки». Сами они располагаются в соответствии со структурой триединства (42). «Езда» («хождение») — переход к единичному, «слова» — выражение его смысла, отмечающее поворот к двойке — паре, «счет» («число») есть уже третья позиция, тройка как целостность пары, которая и образует сущностное число — лиминальную единицу. «Запирание двери» указывает на ограничение счета до трех этой единицей. А «узел» — переход ко множеству вещей, «завязанных» в целостность той же единицы, основы бытия каждой единичной вещи. «Спасение» и заключается в обеспечении таким образом их бытийности. «Премудрый человек» составляет структуру триединства с «людьми» и «вещами». Слияние индивидуальности и целого определяется как «просвет» — нахождение в промежуточном, лиминальном состоянии, равнозначном мистической интуиции, которая может «набегать» только «внезапно». О мистической интуиции, тождественной бытию, см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания». А в главе «Мир Дао и толпа», из той же книги, рассматривается взаимосвязь «добрых» и «недобрых» людей.

Глава 28

Кто, зная о своем мужском начале, сберегает в себе женское, становится ущельем Поднебесной. А став ущельем Поднебесной, не разлучается с незыблемою добродетелью и возвращается к младенцу. Кто, зная, что он светел, сберегает свою темноту, становится для Поднебесной образцом. А став для Поднебесной образцом, не вносит изменения в незыблемую добродетель и возвращается к бескрайности. Кто, зная что он славен, сберегает свою опозоренность, становится долиной Поднебесной. А став долиной Поднебесной, преисполняется незыблемою добродетелью и возвращается к тому, что первоизданно. Первоизданное же рассыпается на чаши. Когда Премудрый человек для них нахо-

дит применение, то становится главой чинов. Великое кроют не разрезая.

Комментарий к главе

Глава раскрывает сущностное самостановление лиминальной, пороговой личности. С первых же строк подчеркивается, что человеческая личность может быть только двуполой, муже-женской (см. об этом главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Отсюда она предстает как целостность двух рядов противоположностей. В ней слиты воедино мужской и женский элемент, свет и темнота, слава и позор. Эти три пары противоположностей образуют три аспекта — этапа становления личности по схеме триединства в трех следующих друг за другом композиционно одинаковых отрывках. Обращает на себя внимание синонимичность «ущелья» в первом отрывке и «долины» в третьем. «Ущелье» еще означает: «горная речка», «пустота», а «долина» — «пропасть», «затруднение», «тупик». «Долина» отмечает переход от второй позиции к третьей, «рождение тройки» — целостности пары, равнозначной ограничению счета единицей, «тупику» как «пропасти», «обрыву» для числа (но не в смысле, подразумеваемом в главе 5 «Дао дэ цзина»), образующему число сущностное — лиминальную единицу, которая только и может приводить к бытию каждую единичную вещь. И потому связанное именно с «долиной» в третьем отрывке «первозданное» затем, в заключительной части главы, «рассыпается на чаши», то есть на вещи в их изначальном состоянии, указывая уже на создание тройкой при ее возвращении к единице «десяти тысяч вещей» (42). А первый отрывок явно говорит об исходной позиции в возникновении этой единицы, которую рождает Дао; метафорой ее начала является образ младенца. «Бескрайность» означает переход от первой позиции ко второй — неналичию и пустоте множественности как к оформлению единицы, делающему ее беспредельной.

Каждый из рассмотренных отрывков тоже строится по принципу триединства- формулируются противоположности с их «возвращением» к целостности пары. Каждый отрывок имеет и свою специальную тему, содержание. Первый, связанный с образом младенца, посвящен возникновению жизни, бытию. Во втором, где единство света и темноты равнозначно «просвету» (ибо для Лао-Цзы единство всегда — «промежуток»), речь идет о знании. В третьем, противоположности славы и позора, указывают на нравственность, а в четвертом, вводящем образ «главы чинов», имеется в виду государственно-политическая сфера деятельности. Метафизика, гносеология, этика и политика выстраиваются в четкую структуру триединства. Анализ заключения о «Премудром человеке» и «кройке великого» см. в главе «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания».

Глава 29

Кто вознамерится взять Поднебесную и ею заниматься, на мой взгляд, это ему не удастся. Поднебесная — чаша душевная, и сформировать ее нельзя. Формуя, ее только портят, владея же, утрачивают. Среди сущего одни ведут, другие следуют; одни выдыхают медленно, другие — быстро; одни становятся сильны, другие чахнут: одни поднимаются, другие гибнут. Именно поэтому Премудрый человек отбрасывает крайность, отвергает неумеренность, отказывается от излишества.

Комментарий к главе

Отказ от объективации бытия, его опредмечивания, которые образно выражаются в том, когда что-то «берут» и по отношению к нему производят какое-либо действие, его «делают». При этом сам «делатель» отделен от своего «изделия». Именно так, по мысли Лаоцзы, управляют миром при отходе от Дао. «Душевная

чаша» синонимична «душе долины» — «сокровенной самке» (6), ибо «долина», как и «чаша», относится к Поднебесной (28), то есть имеется в виду «долина-чаша» Поднебесной, наделенная «душой», а «самка» отождествляется со «скрепой» или, иначе говоря, со связью, узлом всего в мире, которым является тогда и «душевная чаша». Ее потому нельзя «формовать», что она может составлять только «скрепу» — нераздельное единство со своим «формовщиком». Поэтому опредмечивание мира есть его разрушение и утрата. Определенное и объективация равнозначны разрушению органического единства противоположностей, наблюдаемому в предметном бытии, где каждый оказывается какой-то одной из противоположностей — отдельной, изолированной, не составляющей «пары» с другой: «одни ведут, другие следуют». Так впадают в «крайность», «неумеренность», «излишество», которые приводят к гибели не только ведомых, но и ведущих. На это намекает слово «поднимаются» — цэо. К его более обычной, основной, семантике относятся значения: «разрушать», «ломаться», «подавлять», «оскорблять». Лаоцзы подчеркивает безличие такого нецелостного бытия многократным повторением неопределенного местоимения хо — «некто», в переводе: «одни» — «другие».

Глава 30

Кто помогает государю на основе Дао, не подминает Поднебесную оружием. В противном случае лишь ожидает крах. Где стоит войско, там растут колючие кустарники. После прохода большой армии наступают голодные годы. У искусного сбывается, и только! Он не смеет брать оружием и подминать. У него сбывается, и он не зазнается; сбывается, и не кичится; сбывается, и не гордится; сбывается как неизбежное; сбывается при том, что он не подминает. На смену возмужалости, когда находятся в расцвете сил, приходит старость. Это значит действовать вопре-

ки Дао. А тому, кто действует вопреки Дао, конец приходит рано.

Комментарий к главе

Ключом к этой главе является слово го с его основными значениями: «плод», «результат», «осуществлять», «становиться фактом», «действительный». В соответствии с контекстом оно переведено здесь как «сбывается» и указывает на то, что происходит непреднамеренно, спонтанно, «вырастая» из своего «корня» — самости, подобно плоду на дереве. Это сущностное становление по принципу триединства, противостоящее отрицаемому в предыдущей главе опредмечиванию. Кульминацией такого предметно-различительного подхода является попытка навязать свою волю миру с помощью оружия и войны. Здесь же дается и главный ориентир основанного на объективации и опредмечивании эмпирического становления: сила возмужалости, зрелости как высшая ценность, под которой имеются в виду не только физическое состояние, но также материальное и социальное положение (см. об этом главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Символом этого земного самоутверждения выступает бесплодный колючий кустарник, соединяемый тут же с мыслью о неурожае и голоде. Ему и противопоставляется «плод» — животворное событие бытия, которое «сбывается».

Глава 31

Отличное оружие — несчастья инструмент. Его, кажется, никто не любит. И им не ведает, у кого Дао. Благородный муж обычно самой ценной стороной считает левую, когда же он берется за оружие, то ценит правую. Оружие — несчастья инструмент, и благородный муж его своим не признает. Он пользуется им лишь по необходимости. Считает наилучшим сохранять невоз-

мутимость и не восторгаться победой на войне. Ведь ею восторгаться — значит радоваться убиению людей. А кто радуется убиению людей — не может быть главою Поднебесной. В праздничной обрядности дорожат левой стороной, в траурной предпочитают правую. Подчиненные военачальника находятся на левой стороне, сам он занимает место справа. Значит, они размещаются согласно погребальному обряду, и им при множестве убитых следует оплакивать их с горечью и скорбью. Победа на войне заслуживает погребального обряда.

Комментарий к главе

Одна из центральных глав, посвященных военной теме. Наряду с отрицанием войны, в собственном смысле, этот образ раздваивается и подразумевает также «войну» как сущностное самостановление личности. Ведущими являются понятия «правого « и «левого». Они достаточно емки по смыслу. Ю — «правая сторона» еще означала «почитаемый», «сильный», «запад», «правильный», «почитать», «помогать». Основными значениями цзо — «левой стороны» были также «низкий», «слабый», «неправильный», «восток», «презирать», «понижать». В Древнем Китае левая сторона в целом, за исключением немногих случаев (скажем, левого места на боевой колеснице), считалась менее почетной, чем правая. Но в философии Лаоцзы приниженность, имевшая метафизический смысл, была основой, источником высокого положения (см., напр., 39, 66) и потому обладала наивысшей ценностью. Правая и левая стороны составляли пару противоположностей, входившую в ряд других, совпадающих с ней и между собой пар, равнозначных триединству-лиминальной единице. Правой стороне соответствовали единица, наличие, Свет (Ян), самец, жар, движение, дерзость, жизнь через «убийство», левой — двойка, неналичие, Тень (Инь), самка, холод, покой, смерть, ведущая к воскрешению. Обрядность у Лаоцзы тоже оказывалась разделенной на противоположности, из которой «правой» была похоронная, а «левой» — праздничная (см. главу «Тайна

единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). В фразе: «Благородный муж обычно самой ценной стороной считает левую» другими основными значениями слова «обычно» —цзюй являются: «сидеть», «неподвижно находиться», «помещаться где-либо», «жить», «жилье», «местопребывание». Оно явно составляет здесь пару со следующим за ним выражением «браться (буквально: использовать) за оружие», такую же, как «стоять» и «ходить» (25), то есть образует одну из главных в триединстве пар противоположностей покоя и движения. Пороговая единица при «движении» счета остается в «покое», неизменной, ее неизменность относится к левой стороне, подвижность — к правой. При движении — переходе направо — пребывать в неподвижности слева — таков один из парадоксов лиминальной единичности. Для единицы — наличия — жизни требуется переход к двойке — множеству — неналичию — смерти, то есть война — убийство единицы, в результате которого она только и получает свою «самость» — подлинное наличие и жизнь на грани неналичия и смерти. Это означает находиться и направо и налево одновременно — «посредине», между ними, их соединять.

Для Лаоцзы современное ему общество — «место смерти» (50), которое предпочитает «правую сторону», то есть войну и убийство. Он с сарказмом сравнивает военные действия с погребальным обрядом. В подтексте — мысль о том, что его напоминает общество в целом, весь человеческий мир. Жить в нем невозможно без мировой скорби.

Глава 32

Дао, будучи незыблемым, не имеет имени. И хоть первозданное ничтожно, никто под Небесами его сделать своим подданным не в силах. Если владетели и царь смогут ему следовать, все десять тысяч вещей сами сочтут себя гостями, Небеса с Землей соеди-

няться и снизойдет сладчайшая роса. Народ, не получив ни от кого приказа, сам меж собою уравнивается. С началом кройки возникает имя; а возникает имя, узнают, когда остановиться. Узнав, когда остановиться, можно избежать опасности. Дао Поднебесной напоминает горную долину со стремящимся по ней в реку к морям потоком.

Комментарий к главе

Приводимые здесь идеи и образы рассмотрены в главе «Между строк», из книги «Пять тысяч слов молчания». К основным значениям слова «ничтожный» — сяо, наряду с отраженным в переводе, относятся: «маленький», «небольшой», «мало», «короткий», «узкий», «неважный», «малолетний», «пренебрегать», «наложница», «мелкий человек». Понятие «гость» — бинь в исходном значении не просто гость, а «высокий гость», почетный, поэтому при своей приниженности и уступчивости, которые от него как от гостя требуются, он встречает весьма уважительный прием.

Глава 33

Знающий людей умен, знающий себя находится в просвете. Одолевающий других обладает силой, одолевающий себя становится могучим. Кто знает то, что для него достаточно, — богат; кто действует с настойчивостью, когда могуч, тот обладает волей. Кто не утрачивает своего места, долговечен; кто не уходит, когда умирает, продолжает жить вечно.

Комментарий к главе

Состоит из четырех антитез. Кажутся расхожими мудрыми суждениями, но приобретают у Лаоцзы второй, скрытый план смыс-

ла. Взаимная противопоставленность членов внутри пар к концу даже внешне почти полностью снимается. Каждая антитеза есть целостность триединства, в котором первая, отрицаемая противоположность при переходе во вторую только и обретает истинный смысл и реальность. И эти четыре пары антитетических высказываний соответствуют четырем «переходам», образующим триединство: от Дао, рождающего единицу, до рождения тройкой «десяти тысяч вещей» (42). Дао — 1: знание, 1-2: способность (сила), 2-3: достаточность (в числовом выражении ограничение тройкой, равнозначной единице) и действие (осуществленность, оформленность единого), 3 — все множество вещей: долголетие, нескончаемо много лет жизни.

Под «умным» — чжи имеется в виду обладатель предметного знания. Оно у Лаоцзы заменяется глупостью, чтобы на их грани обрести «просвет» — высшее знание. В семантике «силы» — ли акцент на физической силе, тогда как «мощь» — цян, помимо значения физической силы, указывает еще на китайское акме — «сорокалетний возраст» — расцвет всех сил. Тезис о необходимости «знать то, чего достаточно», повторяется в главах 44 и 46. Раздваивается смысл в высказывании о «воле». Чисто грамматически вполне допустим перевод: «кто действует с настойчивостью, обладает волей». Цян — «могучий» может иметь здесь значение — «настойчиво». Но двусмысленность, видимо, сознательная: в рамках известного, общепринятого намекнуть на то, что делает его сомнительным. «Место» отмечает «порог» эмпирического существования, пограничное положение, грань жизни и смерти. Пребывание на нем и является гарантией долговечности. Кто «вечно живет», тот «не уходит» именно с этого пограничного места. «Уходить» — слово ван с семантическим спектром: «убегать», «отсутствовать», «не быть дома», «терять», «погибать», «умирать», «забывать». О проблеме достижения бессмертия в учении Лаоцзы см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 34

Какая широта в великом Дао! Он может находиться слева, справа. Опираясь на него, вещей родится десять тысяч. И от них он не отказывается. Но его заслуги не приносят ему славы. Дает одежду, пищу всем вещам, но не становится их господином. У него незыблемо отсутствие желаний, и он может находиться в унижении. Все вещи к нему возвращаются, но он не становится их господином и может получить имя великого. Он потому может осуществить свою великость, что не признает себя великим.

Комментарий к главе

«Широта» — фань в исходном значении: «бурный разлив», «наводнение», «разливаться», «переливаться», поэтому первая фраза в дословном переводе: «Как бурно разливается великое Дао!» Выражение «находиться слева, справа» разворачивается в такой ряд значений: «по левую и правую руку», «на противоположных сторонах», «со всех сторон», «кругом», «повсюду», «управлять», «помогать», «поддерживать», «вблизи», «приближенные», «ближайшие помощники». Дао и повсеместно, и наиболее близко, и его управление не отличается от помощи, поддержки. Так возникает ассоциация с образом матери. На него уже прямо намекает слово «опираться», «опора» — ши, под которым в древнекитайском языке подразумевалась прежде всего мать. Мотив о безотказности Дао в отношении вещей тот же, что и в главе 2 «Дао дэ цзина».

«Великость» Дао вполне тождественна его имени «Великое» (25). Оно «велико», то есть «старше» (у слова «великий» — да есть значение «старший», «первый»), первичнее остального в качестве триединства — все вмещающей пустой емкости. Отсюда и его приниженность: чтобы оставаться пустым, вместительным, уступая себя, свое место другим. По той же причине Дао не

может быть господином, хозяином вещей. Им предоставляется полная свобода вмещаться в эту всеобъемлющую бытийную емкость, не дожидаясь «чьего-либо приказа» (51). Следование триединству может быть только спонтанным, самостным. Триединство составляет и композиционную основу главы, раскрывающую главные этапы в жизни чувственного бытия. Первая позиция в триединой схеме — рождение вещей, вторая, «материнская» — обеспечение их «одеждой и пищей», то есть «возвращение» (51), третья — «возвращение» к изначально единому в тот момент, когда они умирают.

Глава 35

К держащему великий образ уходит Поднебесная. Уход к нему не причиняет ей вреда, но приносит мир, спокойствие и благоденствие. Музыка и яства останавливают проходящих странников. Но как же пресно, как безвкусно Дао, когда исходит из уст! Глядя на него, в нем не вполне найдешь, чего увидеть; слушая его, в нем не вполне найдешь, чего услышать; когда же пользуешься им, его не исчерпать.

Комментарий к главе

О заключённой здесь философии вкуса см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания». В первой строке говорится о «держании», в последней — об «использовании». Оба эти понятия относятся к третьей позиции триединства, указывающей на «сгущенность», то есть на полную осуществленность «образа» (21), которой в триединой структуре чувственных восприятий соответствует вкус (первые две занимают последовательно зрение и слух).

«Проходящие странники» — многозначительное выражение. «Проходящие» является тем же словом, что и «миновать» — го в главе 64, характеризующее «скопище людей», «толпу». А «странник» — кэ указывает на «гостя», но в отличие от понятия, упоминаемого в главе 32, в нем подчеркивается значение «человека со стороны», «иноземца», того, кто «живет на чужбине», «имеет временное пристанище». Он покидает свой родной дом, которым для всего сущего является Дао, и, «проживая на чужбине» (в обособленности эмпирического существования), «проходит мимо» родных стен, уже при жизни больше туда не возвращаясь, привлекаемый сугубо внешним, поверхностным.

Такому скитальничеству противопоставляется «уход» мира к «держашему великий образ». «Образ» указывает на первую определенность изначального Дао как единицы. Его обладатель — это та «долина» (28), в которую «стекается» Поднебесная (32). При «уходе» к нему Поднебесная начинает составлять с ним единое целое, становясь такой же, как он, беспредельной вместительной емкостью — «душевной чашей» (29). Это и будет возвращение домой, к истинному бытию. Слово «уходить» — ван (иное, чем в главе 32) означает также: «проходить», «уходить в прошлое», «умирать», «прошедшее», «прошлое», «смерть». Поднебесная, «уходя» к обладателю «великим образом», «идет мимо» предметного бытия, на нем не задерживается и оказывается по отношению к нему в «прошлом», то есть для эмпирической действительности «умирает», но ее «смерть — уход» такого же характера, как и у достигшего идеала вечной жизни (33). «Уход» Поднебесной и его «смерть» вполне идентичны. Это вечность на грани отсутствия и пустоты, которая оборачивается беспредельной полнотой жизни. Потому такой «уход» и «не причиняет вреда».

Глава 36

Прежде чем что-либо сжать, следует сначала его растянуть; прежде чем что-либо ослабить, следует сначала его укрепить; прежде чем что-либо низринуть, следует сначала дать ему подняться; прежде чем у кого-либо отнять, следует сначала ему предоставить. Это зовут неуловимым крошечным просветом. Мягкое и слабое одерживает верх над твердостью и силой. Рыбе не годится выплывать из глубины. Бразды правления не следует показывать.

Комментарий к главе

В этой главе нередко усматривают апологию политической хитрости. Но такой подход возможен только при буквальном понимании текста. Если и может тут идти речь о «хитрости», то она изначально относится к Дао, которое остается «скрытым» (4, 41) благодаря тому, что «действует в бездействии» (37).

Исходный тезис: противоположности «друг друга порождают» (2) и по отдельности не существуют. Каждая из них, будучи обособленной, неизбежно сменяется другой. Первые четыре высказывания проникнуты саркастической интонацией. Лаоцзы, как бы исходя из привычной для современных ему правителей психологии, советует им: хотите ослабить, повергнуть противника, тогда сделайте его сильным, дайте ему все. В подтексте этих рекомендаций уступчивость проглядывает как главный политический принцип Лаоцзы.

Сверхсильная слабость означает «использование» Дао (40), а «использование» развертывается у Лаоцзы в ряд тавтологических значений полезности, пригодности, вещности, наличия, единичности (см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). «Слабость» подразумевает единичность Дао,

совпадающую с бытийностью, которая обретается в «промежутке» между противоположностями, на грани полного бессилия. И потому она в сравнении с масштабами предметного бытия, конечно, трудно уловима, «скрытна», «крошечна» и образует именно «просвет» — высшую интуицию Дао при его самоопределении в качестве единого. «Глубина» — юань относится тоже непосредственно к Дао (4), а также к сущности «сердца» (8), с семантикой: «пучина», «бездна», «бездонная глубина», какой и является Дао в смысле бытийной емкости — пустоты, «уступающей» свое место абсолютно всему. «Выплыть» обозначается тем же иероглифом, что и «оторвать» — «то» в главе 54, где говорится об «умеющем охватить (дословно: обнять)», которого «не оторвать». «Обнимают» же в «Дао дэ цзине» единицу, единое (22). По этим семантическим созвучиям, «не выплывать из глубины» значит быть способным «неотрывно» следовать Дао, «держая» его «в объятиях». «Бразды правления» — ли ци в своем исходном основном значении «острого оружия» трактуются у Лаоцзы в целом негативно (см., напр., в 57), но в этой исполненной сарказма главе они связываются с метафизикой уступчивости и самоумаления. И в межгосударственных отношениях лишь приниженность обеспечивает власть над миром, под которой имеется в виду достижение всеобщей абсолютной целостности. Не обнаруживать «бразды правления» есть, по сути, то же самое, когда мудрец «не желает выставлять на обозрение свои достоинства» (77).

Глава 37

Дао, будучи незыблемым, находится в бездействии, но оно при этом непременно действует. Если владетели и царь смогут ему следовать, то десять тысяч вещей сами же преобразуются. Когда они, преобразовываясь, пожелают возрасти, я их укрощу посредством приведения к безымянной первожданности. В состоя-

нии безымянной первозданности не появится желаний. А при отсутствии желаний и в покое Поднебесная сама придет к стабильности.

Комментарий к главе

Глава строится на противопоставлении двух понятий: спонтанного «преобразования» и сознательного «возрастания». О «возрастании», указывающем на эмпирическое становление вещей, говорится также в главах 2 и 16. «Преобразование» — хуа встречается еще только один раз и связывается, как и в данном случае, с «бездействием» правителя-мудреца (57). «Владетели и царь» могут следовать Дао, именно как принципу бездействия, равнозначного действию. Подразумевается «действие» правителя, составляющего целое с Поднебесной (13) в качестве всеобъемлющей порожней емкости — «душевной чаши» (29), который, «вмещающая» (21) вещи, «находит» им «применение» (28), делает их пригодными, «готовыми чашами» (67), то есть пустыми, способными вмещать по его образцу, а образец этот — самость (25), и потому вмещаться и становиться вместительными вещи могут только самопроизвольно, спонтанно. В таком возвращении к своей чашности, обретаемой при рождении (когда «первозданное рассыпается на чаши» — 28), и заключается «преобразование». Эту «преобразовательную» роль правителя Лаоцзы разыгрывает здесь от себя лично.

«Желание»-юй синонимично в «Дао дэ цзине» сознательной устремленности, «воле»-чжи. Это наиболее очевидно в главе 3, где «ослабление воли» приравнивается отсутствию знаний и желаний. Желают то, что знают, различают, считают ценным.

Многозначительна семантика слова «укрощать» — чжэнь: «давить», «прижимать», «задержать», «остановить», «обуздать», «успокоить», «умиротворить», «стабилизировать». Тут исходным является значение «прижать», «придавить», то есть поло-

жить какой-то груз и тем самым задержать, приводя к покою и стабильности, — явная ассоциация с «тяжестью» и «тяжелой поклажей» (26).

Глава 38

Верх добродетели — ее не проявлять и потому быть добродетелью проникнутым. При низшей добродетели стараются ее не упустить и потому не обладают добродетелью. При высшей добродетели бездействуют и лишены намерения действовать. При низшей добродетели берутся за дела и преисполнены намерения действовать. При высшей человечности берутся за дела, но лишены намерения действовать. При высшей справедливости берутся за дела и преисполнены намерения действовать. При высшей ритуальности берутся за дела, и если не встречают отклика, то тащат с пылом за собой. Поэтому с утратой Дао и обретают добродетель; с утратой добродетели овладевают человечностью; с утратой человечности усваивают справедливость; с утратой справедливости вверяют себя ритуалу. Ритуальность составляет мелочь в проявлении преданности и доверия. В ней заключается начало смуты. Различать заранее — это цветок Дао и начало глупости. Именно поэтому великий муж довольствуется сутью и не гонится за мелочами, предпочитает плод цветку, отбрасывает то и берет это.

Комментарий к главе

Центральная глава в отрицании традиционной обыденной морали. Формулировка «преисполнены намерения действовать», букв. перевод: «есть, что, для чего делать», указывает на исходный и главный в ней принцип разделения предметного бытия на разные по ценности предметы и обусловленного этим целенаправленного практического действия. Она отрицается как «низ-

шая добродетель» в противопоставлении с основанной на трансцендентности Дао «высшей добродетели». «Верх» и «низ», «высшее» и «низшее» составляют у Лаоцзы противоположности, которые отдельно существовать не могут, и подлинно «высшим» является только то, что расположено между ними, в «промежутке», на их грани. Такой лишь и выступает высшая нравственность, «добродетель», граничащая с отсутствием нравственности, «недобром» (см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»). А мораль расхожая, «низшая» представляет собой выпячивание нравственности и добра в противовес аморализму и злу. Завзятый моралист пребывает всецело в сфере чувственного бытия и «накапливает» нравственные ценности так же, как богач «редкие товары», не ведая, поглощенный предметной множественностью, о том, что составляет источник ее целостности и жизни. К «низшей добродетели» отнесены человечность, справедливость и ритуальность. Определение «высшая» к трем ее составляющим отмечает в них ближайший, самый низкий уровень отхода от «высшей добродетели» — грани единого целого. Эти этические нормы, как и эмпирическое становление, которое они обосновывают, предстают негативным искажающим соответствием триединой структуры Дао в ее нравственном аспекте. «Низшая добродетель» — отрицательный аналог «высшей добродетели», тождественной Дао, который находит свое самоопределение в «порождении единицы». Она противостоит Дао Лаоцзы как этическому учению в целом (67). «Человечность» (которая понималась прежде всего как «любовь к человеку») — это прямое искажение «материнской любви», «справедливость» выступает таким же искажением «бережливости», а «ритуальность» — уступчивости (там же). В числовом обозначении они в негативном плане отражают соответственно 3 перехода: от 1 к 2, от 2 к 3 и от 3 ко множеству вещей.

В понятии «различать заранее» слово «различать»-ши (встречается еще в 15) указывает на «знание» с исходным значением: «различать», «отличать», «распознавать», которое и передается в

перевод. Оно также означает: «запоминать», «метка», «знак». Это фиксированное различие предметов. А «заранее» значит до того, как что-то происходит, и прежде, раньше других, в том числе и потомков. Все это составляет рациональную сторону познания, отрицаемую Лаоцзы.

Глава 39

Есть издавна обретшие единое. Благодаря ему Небо и делается чистым. Земля хранит устойчивость, души обретают чудотворность, долины наполняются, вещей родится десять тысяч, владельцы и царь становятся для Поднебесной образцом. Достигнуть этого им помогает именно единое. Когда у Неба нет того, что доставляет чистоту, оно, пожалуй, разломается; Земля, не обладая тем, что придает устойчивость, пожалуй, станет шаткой; души, не имея того, что сохраняет чудодейственность, пожалуй, перестанут проявляться; долины при отсутствии того, что позволяет им наполниться, пожалуй, пересохнут; десяти тысячам вещей по неимению того, чем можно жить, не избежать, пожалуй, истребления; владельцы и царь, не обладая тем, что обеспечивает знатностью и высшим положением, пожалуй, этого лишатся. Знатность коренится в хутородстве, высокому основой служит низкое. Именно поэтому владельцы и царь называют себя: «сырый», «вдовый» и «убогий». Не значит ли это, что в хутородстве заключается их корень? Разве не так? Отсюда и выходит, что все части, из которых состоит повозка, повозкой еще не являются. Не стремись быть редким словно яшма или многим как простые камни.

Комментарий к главе

Приводится развернутая структура истинно-сущего. «Единое» дословно: «одно», «единица» понимается здесь в двух смыслах.

Прежде всего относится к каждой отдельной области действительности как обеспечивающее не просто ее жизнь, а самость. Жить — значит быть самими собой: Небу — чистым, Земле — устойчивой и т. д. Это и есть обретение каждым предметом своей единичности-единственности. Но такая единичность в то же время совпадает с единством не только внутри одного какого-либо предмета, но и его со всем остальным. Исходным в этом единстве является целостность пары. Шесть перечисленных областей действительности распадаются на пары противоположностей: Небо и Земля, душа и долина, вещи и правитель. Отсюда и подведение их под общее определение как пары противоположностей знатности и хунородства, верха и низа. У Лаоцзы ведущим в создании целостности пары выступает второй ее, относимый к «низу», член, в данном случае: Земля, долина и правитель. Без принижения правитель не может быть самим собой, то есть, собственно, правителем. И как каждая пара, становясь третьим компонентом наряду с двумя входящими в нее членами — их целостностью, является триединством, так сочетаются друг с другом и сами эти пары. Единое Неба и Земли «коренится» в пустоте долины — «тройки», рождающей десять тысяч вещей (42), и ею оказываются «владетели и царь», которые выполняют функцию «царя» главы 25.

«Сирый», «вдовый», «убогий» — традиционные уничижительные самоназвания князей, заменяющих в их речи местоимение «я».

Высказывание: «все части, из которых состоит повозка, повозкой еще не являются» буквально значит: «в полном перечислении повозки нет повозки». Иногда допускают наличие вместо иероглифа «повозка» сходного с ним по написанию, но с другим значением: «слава». Тогда получается иной перевод: «Примышлении о славе ее не имеют».

Глава 40

В обратном ходе заключается движение Дао, в слабости — его использование. Десяти тысячам вещей под Небесами жизнь дает наличие, а само наличие рождается от неналичия.

Комментарий к главе

Дается схема миротворения по принципу триединства. Ее числовое выражение приведено в главе 42. Возникновение наличия от неналичия соответствует порождению тройки двойкой, а вещей от наличия — их созданию тройкой (об этой схеме и составляющих её понятиях см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Первые две строки по смыслу совпадают в обратном порядке с двумя последними: первая с четвертой, вторая с третьей. Это две пары высказываний, в которых говорится об одном и том же, но в противоположной последовательности. «Движение» указывает на переход от неналичия к наличию (наличие — единица, мужской элемент, движение), «использование» — на поворот от наличия к десяти тысячам вещей (10 000 — четное число, множество, а это уже обращает к двойке, женскому элементу, слабости, покою). «Использование» обозначает вещьность — сущность того, что «используется», вещьность Дао как слабость оказывается сущностью чувственных вещей, их вещьностью. См. также главу 11, где главным в наличии, вещьности предметов является неналичие.

«Обратный ход» — перевод иероглифа фань: «опрокидываться», «перевертываться», «обратная сторона», «наизнанку», «противоположность», «бунтовать», «идти против», «обвинять», «раскаиваться», «двигаться в обратном направлении», «возвращаться». Семантика «движение» — дун: «сотрясаться», «двигаться», «перемещаться», «становиться другим», «меняться», «нарушать», «приводить в беспорядок», «воздействовать», «переход»,

«перемена», «поворот», «перелом», «преобразование», «действие». А «слабость» — жо означает не только отсутствие силы, но также — «уменьшать», «утрачивать», «юный».

Глава 41

Высший из мужей, слыша о Дао, усердно претворяет его в жизнь; средний из мужей, слыша о Дао, пребывает в замешательстве; низший из мужей, слыша о Дао, над ним насмехается. Над чем не смеялись бы, то не было бы Дао. Поэтому есть веские суждения. Дао уясняют, словно помрачаются; по нему идут вперед, как пятятся назад; оно ровно, будто все в ухабах; верх добродетели напоминает впадину долины; пречистое походит на запятнанное; бескрайность добродетели уподобляется изъяну; добродетель делают незыблемой как бы невзначай; безыскусная правдивость кажется чем-то превратным. У великого квадрата нет углов, великое изделие не скоро создается, великая мелодия является беззвучной, великий образ не имеет формы. Дао скрытно, у него нет имени, но лишь оно умеет дать взаймы и довести до самого конца.

Комментарий к главе

Относимое к «мужам» определение «низший» идентично тому, что дается «добродетели» в главе 38. Оно характеризует сугубую ориентацию на эмпирическое предметное бытие. При такой ориентации существенным признаком Дао становится комичность. Смех вызывает мнимая противоречивость Дао, которая формулируется в «веских суждениях». Что может быть для ограниченных рационально-практическим нелепее и смешнее предметной ничтожности Дао с выраженной в ней претензией на всесветную великость? Замечается только его чувственно воспринимаемая «слабость» — малость, незначительность. Быть

подобным, походить, казаться — значит иметь какой-то внешний вид, образ, облик. Дао является триединством, тремя в одном, где третье указывает на целостность первых двух — противоположностей, и ее образом, ликом выступает вторая, «нижняя», «женская» противоположность, которая дает границу, очертание, форму первой, ее определяет. Каждая вещь в истинном сущностном смысле существует только на грани своей противоположности, и в предметном бытии лишь в «низком» может проявиться «высокое». О том же говорят понятия квадрата, чаши, мелодии и образа, относимые к «великим». Квадрат так расчленяет, оформляет круг, что в форме круга — квадрате проглядывает круг: квадрат без углов. А «нет углов», то и «не режет» (58). Изделие — та же чаша: все вмещающая бытийная емкость, дающая жизнь; ее позднее завершение противостоит раннему концу тех, кто «действуют вопреки Дао» (30, 55). Завершение чаши — не конец жизни, а жизнь вечная, ибо, будучи поздним, указывает на долгое изготовление, «позднее» (в переводе: «не скоро») синонимично в данном случае «долговечному», каким и является Дао (16). Мелодия, тона связываются с гармонией (2), в которой на первом плане — значение нерасчлененного, «смеси» (напр., в крике младенца, названного в высшей степени гармоничным, — 55), а «смесь» равнозначна созданию «одного», единого (14). И поскольку в слове «беззвучная» исходным и основным является понятие редкого, уникального, то беззвучная мелодия — это звучание, сливающееся в один-единственный звук на грани всех звуков и тождественный музыке бытия. Об образе, не имеющем формы, см. комментарий к главе 14. О понятиях квадрата, чаши и образа в философии Лаоцзы см. также главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания».

«Дать взаймы» — значит обеспечить самопорождение вещей, единичность-бытийность каждой из них посредством предоставления им для вмещения пустого свободного места, которое вернуть в качестве долга они могут только при возвращении к своему сущностному «я», составляющему минимум предметного

наличия, делая то место, что заняли, снова максимально пустым. К числу основных исходных значений слова «безыскусная» — чжи, применяемого здесь для определения «правдивости», относятся: «залог», «соглашение», «договор». Они тоже в данном случае вполне подразумеваются и служат раскрытию смысла последней строки о Дао как искусном заимодавце. Миротворение предстает соглашением, договором о займе, заключенным между Дао и миром, и его залогом. Гарантией исполнения является сама жизнь как возвращение к своей самости. Об этом метафизическом займе говорится также в главе 79.

Глава 42

Дао порождает единицу, единица родит двойку, два рождает тройку, три дает жизнь десяти тысячам вещей. Все вещи при-слоняясь спиной к Тени (Инь), обнимают Свет (Ян), и дыхание (ци) пустоты приводит их к гармонии. Что людям ненавистно — это оказаться «сырым», «вдовым» и «убогим», но так зовут себя цари с князьями. Выходит, что ущербность может доставлять прибыль, прибыль — приносить ущерб. Такое наставление я получаю от людей. И я их тоже наставляю: за произвол, насилие ждет преждевременная смерть. Это будет моим самым главным наставлением.

Комментарий к главе

Одна из центральных, самых важных глав, где впервые и только единожды во всем трактате в центр миротворения в качестве его промежуточного, а значит, и главного для Лаоцзы, звена ставится число, взятое в последовательном порождении первых трех чисел числового ряда. Рассмотрению этого числа вместе с упомянутыми затем понятиями Тени — Инь, Света — Ян и дыхания

— ци посвящена глава «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания».

По наиболее распространенной в комментариях традиции, принятой и многими современными исследователями, самого понятия числа как такового здесь нет, ибо под «единицей», «одним» понимают ци, под «двумя» — Инь и Ян, под «тремя» — Небо, Землю и человека. К абстрактному числу, отделенному от вещей, не только в Китае, но и во всем мире, включая его знаменитых апологетов-пифагорейцев, приходили, конечно, не сразу, постепенно. Этот процесс в китайской культуре имел к тому же свою специфику в подчеркивании вещественной сущности числа. Но Лаоцзы имеет в виду не абстрактное число и не просто счет, а число пограничное, лиминальное, на грани собственного отсутствия, как то, что противоположно вещи и составляет истинное бытие. У Лаоцзы в ничто, неналичии заключается источник наличия, бытия, жизни, и самым близким к нему оказывается именно число. Поэтому включение Инь, Ян и ци в числовые показатели не представляет никакого труда, и то же самое можно проделать почти со всеми понятиями «Дао дэ цзина». Дао как лиминальное число — бездонная, абсолютно все вмещающая бытийная емкость. Способность так вмещать не только не ставит под сомнение, а, напротив, утверждает его самостоятельную, вполне независимую от чувственных вещей сущность. Эта сущность тоже получает у Лаоцзы название «вещи», но как раз не чувственной, а числовой.

Основные лексические значения слова Инь: «северный склон горы» или «южный берег реки» (находящиеся в тени), «пасмурный», «мрак», «тень», «впотьмах», «скрытно», «молчание», «время», «женское», «коварный». Ему противоположна семантика Ян: «южный склон горы» или «северный берег реки» (солнечные), «солнце», «солнечные лучи», «свет», «тепло», «ясный», «внешний», «мужское», «открытый», «притворяться». Семантический спектр ци см. в комментарии к главе 10.

Об уничижительном самоназвании правителей «сирый», «вдовый» и «убогий» см. комментарий к главе 39. В словах Лаоцзы о том, что для него оно — поучение, слышится едкая ирония. Это было уже пустой языковой условностью для современных ему правителей, погрязших в произволе и насилии, которые и отрицаются как несовместимые с жизнью в конце главы.

Глава 43

Мягчайшее под Небесами проскакивает сквозь твердейшее. Неналичие проходит в то, что не имеет промежутка. Именно поэтому я знаю о полезности бездействия. В Поднебесной редко кому удастся овладеть учением, невыразимым в слове, и полезностью бездействия.

Комментарий к главе

Раздумье о том, как мир может вернуться к своему истинному бытию. Две первые фразы составляют между собой явный параллелизм: «мягчайшее» дублируется «неналичием», а «твердейшее» — «тем, что не имеет промежутка». «Твердейшее» дословно: «предельно твердое» — чжи цзянь, и само «твердое» непосредственно соединяется с силой (78), сила — с оружием (76), оружие — с латами (50, 80). «Твердое» в древнекитайском языке служило постоянным эпитетом для лат и нередко это слово заменяло. Многозначителен и глагол «проходить», «входить» — жу, который встречается еще в главе 50 в выражении: «входя обратно, умирают», в буквальном смысле: «уходят в смерть» — жу сы. Лишенное промежутка ассоциируется в «Дао дэ цзине» с латами, оружием, войной — кульминацией соперничества, противоборства и с «местом смерти» как с тем, куда «входят». Это наличие, противопоставляемое неналичию. Оно выступает в качестве множества раздробленных единичностей, непроницаемых

друг для друга, как латы для оружия. Такая взаимная непроницаемость символизирует распадение единого целого, происходящее в «месте смерти», где единичное выделено односторонне, незавершенно, не соединено с противоположным ему неналичием — множеством. Поскольку противоположности «друг друга порождают» (2), то обособленное наличие неизбежно сменяется неналичием — смертью. В его переходе к ней и заключается «проскакивание» неналичия — мягчайшего в твердейшем. Весь вопрос в том, чтобы этот переход состоял не в замене смертью наличия — жизни, а в целостности, достигаемой пребыванием на грани, в «промежутке» между наличием и неналичием. «Неналичие» — ую здесь дословно, «отсутствие наличия», то есть уже в его названии, понятии, сущности подразумевается связь с наличием как с тем, что ему противоположно. Их «промежуток» и есть истинное бытие, вечная жизнь. «Овладеть» в последней фразе — это перевод слова цзи с его исходным основным значением: «догонять», «настигать». Поднебесной предстоит, не утрачивая наличия, «угнаться» за указанным выше «промежутком» — «отсутствием наличия». От наличия требуется не выпячиваться и не замыкаться в непроницаемой броне утверждающейся единичности, а «настигнуть» неналичие и с ним вместе «скакать». Средством для этого становится «бездействие» наряду с «учением, невыразимым в слове». «Бездействие» — предел «умаления», грань неналичия (48), и к ней же относится бессловесный, молчаливый наказ «мало», букв.: «Редко» значит: неповторимо-единственным, уникальным образом, сугубо индивидуально.

Глава 44

Милее славу занять или живым остаться? Ценней живым остаться или разбогатеть? Больней приобрести или утратить? Это объясняет, как дорого приходится расплачиваться за свою при-

вязанность, и сколь велик убыток, приносимый накопительством. Кто знает то, что для него является достаточным, не подвергается бесчестью; кто ведаёт, когда остановиться, пребывает в безопасности и может долго жить.

Комментарий к главе

Сбережение жизни противопоставляется погоне за славой и богатством. Внешне это аргументируется тем, что предпочтение какой-то крайности в предметном бытии неизменно приводит к ее противоположности: тщеславие лишает славы, жадность разоряет. Но в реальности, на протяжении одной человеческой жизни, так, увы, чаще всего не происходит и потому за очевидным неправдоподобием утверждаемого проглядывает второй смысловой план. Слово «расплачиваться» — фэй кроме указания на «расходы», «трату» означает «ущерб», «износ», а также: «не щадить», «не жалеть». А «убыток» выражен тем же словом, что и в главе 33, — ван (см. коммент. к этой главе), в котором на первый план выходит значение «гибели», «смерти». Гонясь за славой и наживой, люди утрачивают главную ценность — свою жизнь.

«Остаться в живых» — перевод иероглифа шэнь-«тело», в нем тут среди других его значений (см. о них в коммент. к главе 13) акцентируется, наряду со «стволом» и «руслom», семантика «жизни» и «возраста». «Жизнь» — вот что составляет главное в человеке, его «ствол», «русло». Но жизнь, конечно, не просто эмпирическая. Ее определяет знание «достаточности» и места «остановки». Основные значения «достаточности»-цзу: «нога», «стопа», «подставка», «основа» «быть достаточным», «восполнить», «полный», «быть способным», «годиться», «заслуживать», «быть богатым», «достаток» «Остановиться»-чжи кроме этого означает: «нога», «стопа», «стоять неподвижно», «останавливаться на ночлег», «поселяться», «останавливать», «прекращать», «остановка», «предел», «граница». В обоих словах ис-

ходным является значение «ноги», «ступни», и это сразу вызывает ассоциацию со строкой главы 64: «Далекий путь берет начало с пяди под стопой». «Далекий» буквально — «в тысячу миль». О метафизическом смысле понятий «достаточности» и «остановки», указывающих на лиминальную единицу с тождеством в ней покоя и движения, потенции и действия, см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания». Пребывание на границе своей эмпирической личности и всего остального на «пороге» жизни, где умещается только «стопа», лиминальное «я» человека позволяет ему находиться одновременно всюду, в целостности триединства, обеспечивающего жизнь вечную.

Глава 45

Верх совершенства кажется изъяном, но польза от него не умаляется; верх полноты напоминает пустоту, но польза от нее не иссякает. Верх прямоты походит на извилистость, верх мастерства напоминает неуклюжесть, верх красноречия уподобляется косноязычию. Поспешность преодолевает холод, покой одолевает жар. Покой, невозмутимость — главное в Поднебесной.

Комментарий к главе

Подобие высшего качества своей противоположности такое же по смыслу, что и в главе 41. Исходными, подводящими к пониманию остальных являются «совершенство» и «полнота», сближаемые с «изъяном» и «пустотой». «Совершенство» — перевод слова чэн, которое в нескольких случаях связывается с понятием «чаши», обозначая ее «завершение» и «готовность» (41, 67). И здесь чэн подразумевает прежде всего качество чаши, чашность, поскольку этимологическое значение сопоставляемого с ним понятия «изъян» — цюэ — «разбивание чаши». В исходном

смысле полная сформированность, готовность чаши сближаться с ее разбитостью. И так же непосредственно связаны с чашностью понятия «заполнения» и «пустоты», тем более что «пустота» — чун этимологически указывает на «пустоту чаши», встречается еще в главах 4 и 42. Речь идет о метафизической бытийной емкости, об ограниченной пустоте, обеспечивающей существование на своей границе, на грани неналичия и пустоты. Прямота настоящая, существующая на самом деле, в сущностном, бытийном смысле походит на извилистость потому, что существует только на грани собственного отсутствия, на переходе к противоположному ей качеству. И то же самое относится к «мастерству» и «красноречию». Каждое из этих качеств составляет «пару» с соответствующей ему противоположностью и, достигнув «верха», высшей степени, становится «третьим» — целостностью «пары», как той первой противоположностью, к которой «возвращается» вторая, ограничивая и придавая ей свою форму. А это уже будет триединство, формулируемое в конце главы в понятиях «поспешности» и «покоя». «Победа» поспешности над холодом относится в числовом обозначении к единице, мужскому элементу, связанному с движением и теплом, но для ее полной сформированности, «совершенства» требуется переход к двойке — множеству, женскому элементу, покою. Так «самка побеждает самца» (61). И в результате господствует «главное» — «покой» как женский лик мужской единственности, единое, целостность мира.

Глава 46

Когда Дао в Поднебесной есть, то скакунов отводят унавоживать поля; когда Дао в Поднебесной нет, то боевых коней растят в походах. Нет худшего несчастья, чем незнание того, что для тебя является достаточным; нет тяжелее бедствия, чем страсть к при-

обретению. Когда же ведают о том, что то, чего достаточно, является достаточным, находятся в незыблемом недостатке.

Комментарий к главе

Здесь главным является понятие «достаточности», о котором см. комментарий к главе 44. Вообще, эти две главы между собой очень близки, только в 46-й еще сильнее выделяется мысль о «достаточности» с резким противопоставлением тому, что ей в наибольшей степени противоположно — войне. Знание достаточности сводится к ограничению себя своей единичностью — единственностью, вмещающей весь мир. Это и есть «достаток» или «богатство», о котором говорится в связи с той же идеей в главе 33. И в таком «достатке» тоже прямая ассоциация с «корнем» жизни, истинным бытием, предстающим в образе унавоживающего поле скакуна. Скакун — боевой конь, но он переводится в разряд животных, используемых для сельскохозяйственных работ. Война не относится к «хлебу» жизни — сущности, самости мира и человека. Строка: «боевых коней растят в походах» в ближайшем смысловом плане подразумевает, что из-за нехватки коней в военные походы берут кобылиц, которые рожают жеребят прямо на поле брани. Эти жеребята — образ человека в современном Лаоцзы обществе.

Глава 47

Знают Поднебесную, не выходя за дверь, и видят Дао Неба, не подглядывая из окна. Чем далее уходят, тем меньше знают. Именно поэтому Премудрый человек не делает ни шагу, а все знает, он прозревает в то, чего не видит, и добивается успеха, находясь в бездействии.

Комментарий к главе

Отрицание эгоистической любознательности и многознайства. «Дверь»-ху имеет еще значения: «двор», «дом», «семья», «отверстие», «нора», «пещера» и синонимична смыслообразу «ворот» (1, 6, 10, 52, 56). Это «дом» бытия, метафизическая емкость, куда «стекаются» все начала и концы мира. «Выходить», «уходить» здесь то же слово, что и в главе 50: «выходят, чтобы жить», буквально: «выходят, уходят из жизни». «Подглядывать из окна» — сатирический образ любознательности, выделяющий в ней мотив нескромного любопытства в сочетании с попыткой его скрыть. Лаоцзы говорит об истинном знании, подразумевая под ним интуицию как изначальную целостность жизни (см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Ему в подтексте противопоставляется предметное знание, многоопытность, многознание, которые знанием не признаются. Далёкость ухода раздваивается по смыслу, ибо, с одной стороны, означает физическое расстояние, а с другой — намекает на метафизическую даль, на удаленность Дао (25), добродетели (65) и на интуитивное обнаружение их человеком в своей собственной сущности (80). Все самое далекое от него во вселенной оказывается и наиболее ему близким: прямо «под стопой» (64) или, как в этой главе, в стенах его родного дома, в «я» личности.

В строке: «он прозревает в то, чего не видит», «прозревает» — перевод иероглифа мин с его исходным и основным в «Дао дэ цзине» значением «просвета». По другому варианту текста вместо этого слова стоит его омоним — «имя», «именовать». Тогда получается такой перевод: «он именуется то, чего не видит». Смысл от этого не меняется, поскольку «имя» сливается у Лаоцзы с «просветом». «Именовать» и значит находиться в «просвете», «прозревать».

Глава 48

Когда учатся, имеют каждый день прибыток, а занимаясь Дао, ежедневно терпят умаление. Умаление следует за умалением, и так доходят до бездействия. Но в состоянии бездействия непременно действуют. Поднебесную берут неизбежно посредством надеяния. А кто при помощи деяний собирается взять Поднебесную, тому для этого их никогда не хватит.

Комментарий к главе

Начинается с вопроса об обучении, подводящего к главной политической злобе дня — к проблеме «взятия Поднебесной», обретения власти над миром. «Прибыток» и «умаление» внешне относятся к знанию и тому, ради чего его получают: престижа, власти над людьми, достигающей своего апофеоза в мировом господстве. Для Лаоцзы учение и Дао несовместимы. Он допускает лишь возможность «учиться быть неученым» (64), то есть приравнивает истинную ученость к ее отсутствию. Древнекитайские слова «учение», «учиться» — сюэ (другие их значения: «школа», «ученость») подразумевают прежде всего подражание, следование примеру, образцу, норме. А в Дао как самости акцентируется развитие на собственной основе. В контексте главы и «Дао дэ цзина» в целом выражения: «иметь каждый день прибыток» — жи и и «ежедневно терпеть умаление» — жи сунь содержат второй смысловой план, связанный с тем, что у слова жи значение «каждый день», «ежедневно» производно от исходного: «солнце», «солнечные лучи», вызывающего ассоциацию с мужским элементом Ян — Светом, изначально тоже солнечным (о Ян и его оппозиции Инь см. коммент. к главе 42). Следовательно, от учения Ян — в «прибытке», возрастает, а при обращении к Дао — «умалается». Ян соответствует единице и наличию и не мыслится без перехода к женскому началу Инь-Тени, то есть к двойке — множеству и неналичию, с которыми состав-

ляет «пару» или целостность триединства — осуществленность, истинное бытие. Умаление солнечного света — жи сунь и знаменует переход от единице к двойке, от наличия к неналичию, от Ян к Инь, ведущий к созданию единичности лиминальной уже как грани, границы, очертания всего и вся. Отсюда и явный параллелизм строк: «Умаление за умалением» и «Сокровенное за сокровенным» (1). Ян указывает еще на движение, а Инь — на покой, поэтому умаление Ян означает снижение активности до состояния бездействия на грани абсолютного покоя. О бездействии как действию см. комментарий к главе 37. Наряду с ним Лаоцзы использует понятие «недеяния» — у ши, составленное из двух слов: у — «нет», «не имеется», «неимение» и ши — «дело», «деяние», «занятие», «служба», «событие», «происшествие», «делать», «заниматься», «управлять», «практиковать», «служить». Как и о «бездействии», о «недеянии» говорится неоднократно (48, 57, 63). И оно тоже аналогично бездействию. Есть «дело»: «дело бездействия» (2) или «недеяния» (63). Такое «дело» сводится к потенции, «способности» (8). И в данном качестве оно не только «дело», но и «событие», которым предлагается заменить все политические и военные события исторической действительности, нацеленные их инициаторами на захват власти и самоутверждение. Только это и есть, собственно, событие, ибо тождественно тому, что «сбывается», не навязанное извне, а вырастая из своего «корня» — целостности бытия (см. коммент. к главе 30).

Слово «брат», «взять» — цюй тоже постоянно встречается в «Дао дэ цзине» (29, 30, 48, 57, 61). Одно из его древних значений: «взять в жены», и оно здесь тоже обыгрывается. Поднебесную можно только «взять в жены», ибо она — это вторая позиция триединой целостности, множество, Инь, женское начало, самка. «Самец» же, правитель, входя с ней в «пару», «умаляет» свой мужской элемент Ян, свою силу и активность, поскольку в создании целого женскому началу принадлежит ведущая роль: «самка побеждает самца» (61).

Глава 49

Премудрый человек не ведает незыблемости сердца. Сердцем для него являются сердца простых людей. С добрыми я добр, но и с недобрыми я тоже добр. К добру приводит добродетель. Кто честен, тем я доверяю, но и нечестным я тоже доверяю. К честности приводит добродетель. Премудрый человек под Небесами беспристрастен и ради Поднебесной мутит свое сердце. При нем все по-детски улыбаются.

Комментарий к главе

«Незыблемость сердца» (дословно: «незыблемое сердце») — эмпирическое дифференцированное сознание с характерными для него разграничением и фиксацией умственных и чувственных образов (см. об этом главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Отсутствие такого сердца представлено здесь как его «замутнение». Слово «мутить», «мутный» — хунь по смыслу вполне совпадает с иероглифом «смешивать», «смесь» (читается тоже хунь, но другим тоном и иначе записывается), используемым в главах 14 и 25 для обозначения Дао как вещи — целостности триединства, которое называется также добродетелью. «Замутнение» сердца и указывает на образование триединства «одним» — мудрецом, входящим в «пару» с «простыми людьми», буквально: «ста фамилиями». Путем к этому становится равное отношение к добрым и недобрым, честным и нечестным. О добре как о слитности индивидуальности с целым см. главы «Обрести себя» и «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Доверие и честность, обозначаемые одним иероглифом синь, указывают на откровение Дао, которое с великодушием и доверчиво вмещает в свой «промежуток» — сферу истинного добра, все противоположности, уравнивая их и тем самым наделяя полноценным нескончаемым бытием. Знаком возвращения к этому первоначальному состоянию и является

то, когда «ребенок улыбается» — понятие, выражаемое здесь древнекитайским словом хай.

Глава 50

Выходят, чтобы жить; входя обратно, умирают. Из каждых десяти лишь три вступают в жизнь и три, уж находясь в конце ее, вышагивают к смерти. И те, чья человеческая жизнь является лишь местом смерти, по которому им двигаться, тоже составляют три из десяти. Чем это объясняется? Тем, что они всего превыше ценят жизнь. Говорят, есть человек, умеющий заботиться о жизни. Когда идет по суше, на него не нападает носорог и тигр, вступая в войско, он не запасается оружием и латами. Носорогу некуда его ударить рогом, тигру негде в него впиться когтями, мечу некуда в него вонзиться острием. Чем это объясняется? Тем, что в нем нет места для смерти.

Комментарий к главе

Одна из самых горестных глав «Дао дэ цзина». В ней почти каждое слово раздваивается по смыслу, затаивая за внешним смысловым планом иносказание. Особую трудность для понимания и перевода составляет начало главы до первого вопроса. Дословный перевод этой части: «Выходят жить и входят умирать. Три из десяти — спутники жизни, три из десяти — спутники смерти, и еще три из десяти — их человеческая жизнь есть место смерти, по которому двигаются». Первая фраза подразумевает и такой смысл: «Выходят из жизни и входят в смерть». Китайский язык допускает также перевод «три из десяти» как «тринадцать», и тогда может возникнуть еще один вариант: «Есть тринадцать дорог жизни...» и т. д. Но этот последний вариант не вписывается в контекст главы, поскольку указанные в начале девять дополняются далее одним, десятым, составляющим с ними десят-

ку, из которой делаются последовательные исключения. А десятка намекает на четное количество вещей («десять тысяч»), происходящих от нечета-тройки, тождественной при своем к ним переходе триединству, лиминальной единице, Дао как единому (39, 42). Словосочетания «спутники жизни», «спутники смерти» встречаются также в другом месте (76), но в главе 50 они нуждаются в уточнении, требующем иного перевода. Исходное значение слова «спутники» — ту: «идти пешком». Именно оно подразумевается здесь в первую очередь. «Спутники жизни» — это отнюдь не те, кто сохраняют жизненность, жизнестойки в течение всей своей жизни, но они ее «спутники» лишь потому, что только родились, находятся в истоке жизни, по нему «идут», «ступают». Такому «ступанию» противостоит то, когда люди забывают о чуде своего рождения и предаются эмпирическому становлению (о нем см. коммент. к главам 2, 16, 37). Это и будет их «движением» по «месту смерти». В результате они в конце концов и оказываются «спутниками смерти», то есть умирают.

Ключевым для понимания всей главы является смыслообраз «место смерти». Исходное значение употребляемого в нем иероглифа «место» — ди: «Земля», и в данном значении он часто ставится у Лаоцзы в «паре» с Небом (1, 5, 7, 23 и т. д.). Земля — это вторая позиция триединства, множество, женское начало Инь, покой, неналичие. Отсюда и ее связь со смертью. Но в паре с Небом Земля как смерть амбивалентна. Без нее невозможны истинное бытие, вечная жизнь. Каждая вещь относится и к единому, поскольку единична, и ко многому, являясь одной из множества. Ее единичность — это небесное мужское начало Ян, наличие, движение, а принадлежность множеству — Инь, элемент почвеннический, женский. Чтобы быть, то есть сохранять свою единичность, свое Ян, вещи требуется соединять его с Инь — смертью. Сама человеческая жизнь, включенная в существование «десяти тысяч вещей», как противоположность порождающего их единого, относится к сфере Земли, покоя, ненали-

чия. И потому, чтобы оставаться в этой сфере, жить, следует составлять с ней «пару», не выпячивать единичное, уменьшать его Ян, активность (см. также коммент. к главе 48). Именно так поступает «умеющий заботиться о жизни». Здесь несколько неожиданно на первый взгляд упоминается о «суше», по которой он «идет». Почему вводится «суша» как противоположность водному пространству? В связи с этим обращает на себя внимание еще один семантический нюанс. В выражении «заботиться о жизни» иероглиф «заботиться» — шэ служил в Древнем Китае названием вида пресноводной черепахи, чья особенность заключалась в том, что она поедала змей и имела зигзагообразный складной щит на животе, который сама могла сложить и разложить. Змеи ассоциируются с земным злом (см. 55), вмещаемым мудрецом в целое добра, а складной щит напоминает «сложенное» из триединства единое. Если еще учесть, что мужское начало Ян воплощает сухость, а женское Инь — влажность, то необычность словоупотребления разъясняется. В человеческой жизни (а она как «людское Дао» явно противопоставляется «Дао Неба» — 77) люди выпячивают свое Ян — силу, наличие, сухость, практическую активность, ибо «всего превыше ценят жизнь» и тем самым разрушают пару жизни и смерти, обрекая себя в конечном итоге только на одну из противоположностей — смерть. В этом «сухом» обществе настоящий мудрец может представлять именно «водным» существом. В нем находит воплощение триединая целостность Дао, в которой ведущей является вторая, женская позиция (о «месте смерти» и других используемых здесь образах см. также главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Глава 51

Дао рождает, добродетель возвращает, вещь оформляется, обстоятельства приводят к завершению. Поэтому-то среди десяти

тысяч вещей нет ни одной, которая не почитала бы Дао и не ценила добродетель. Чтить Дао, ценить добродетель — это не чей-либо приказ, а незыблемая самость. Дао рождает, добродетель возвращает. Она растит, лелеет, совершенствует, делает зрелым, содержит, укрывает. Чему давать жизнь, не иметь, на свои действия не опираться, быть старшим, но не властвовать — это называют сокровенной добродетелью.

Комментарий к главе

Четыре первые положения, определяющие главные качества Дао, добродетели, вещи и обстоятельств, полностью совпадают с числовой структурой самостановления Дао как триединства в главе 42. «Дао рождает» — переход от Дао к 1, «добродетель возвращает» — от 1 к 2, «вещь оформляется» — от 2 к 3, «обстоятельства приводят к завершению» — от 3 к «десяти тысячам вещей». О том, что добродетель обозначает Дао как лиминальную единичность с её структурой сложения от 1 до 3, см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Это включает вещи и обстоятельства в состав добродетели. Речь идет о сотворении мира и каждой его мельчайшей части, а также об их бытии, возможных только в соответствии со структурой триединства. «Вращивание», развернутое в целую гамму своих различных проявлений (тоже, кстати, распадающихся, как в главе 2, на пару триад), и указывает на такое сотворение. Культ Дао и добродетели, идущий от «незыблемой самости», является вполне спонтанным и равнозначен для каждой вещи ее независимому, свободному самопорождению, включающему и «обстоятельства». «Обстоятельства» соответствуют третьей позиции триединства, или самому «промежутку» для «вмещения» — созидания вещей. «Обстоятельства» и есть пустое место, предоставляемое вещам, где они рождаются сами, самостоятельно. Об этом же говорит и заключительная триада тезисов, непосредственно подводящая к определению «сокровенной добродетели». Она приводится также в главе 10 и — с модификацией — в

главе 2 «Дао дэ цзина», отражая, как и там, структуру триединства.

Глава 52

У Поднебесной есть начало, и оно становится ей матерью. Дитя, только окажется пред матерью, и мать сразу же его узнает, а узнает, и дитя вновь будет ее слушаться и до скончания жизни не изведает опасности. Закрыв отверстия и заперев врата, до самого конца избавишься от тягот, а если распахнешь их и возьмешься за дела, не испытаешь никогда спасения. Видеть малое значит быть в просвете, в сбереженной мягкости заключено могущество. Пользуясь сиянием Дао, вновь возвращаются в его просвет и не причиняют себе зла. Это называют навыком к незыблемому.

Комментарий к главе

В главе идет речь о сущностном, бытийном самопознании, равнозначном творческому процессу. Два первых тезиса о «начале» и «матери» параллельны паре высказываний из главы 1. «Безымянность — вот начало Неба и Земли, в наличии же имени таится мать десяти тысяч вещей». Безымянность и обладание именем, неналичие и наличие — это и есть «мать», которой в главе 25 называется Дао как лиминальная единица или триединство. «Дитя» указывает на Поднебесную, «десять тысяч вещей», все сущее. «Окажется» дословно «обрести». «Обретение матери» означает самопорождение вещи в пустой емкости Дао. Эта емкость или ограниченная пустота и есть «мать». Возникая на грани пустоты и ею, по сути, являясь, вещь в таком случае изначально уже содержит в себе свою «мать». «Узнавание» матерью дитя есть то же самое порождение вещи как грани, границы, которой она ограничивается, определяется, то есть получает смысл. Знание дает определенность, смысл познаваемому. Чело-

век должен обнаружить в себе свою «мать» — триединую целостность мира, и тогда она его «узнает», придаст ему определенность, сделает индивидуальностью. «Слушаться» — иероглиф шоу, означающий также в других главах «беречь», «придерживаться», «следовать». Именно он используется, когда говорится о необходимости «сберечь в себе женское» (28), «придерживаться середины» (5), «следовать» Дао (32, 37). В этот контекст вписывается и «дитя», которое «слушается свою мать». Речь идет о сбережении обретаемой в момент рождения самости, совпадающей с лиминальной единичностью-бытийностью. Эти высказывания о «матери» и «дитя» задают смысловую тональность всей главы.

Под «отверстиями» и «вратами» обычно понимают органы чувств. Но это понимание слишком узкое. «Отверстия» и «врата» — та же грань пустой емкости, сама емкость, бытийный промежуток. Исходное значение слова «запирать» — сай: «пограничный форт», «крепость на границе», «застава». «Открыть ворота», через которые проходят, значит оказаться в положении тех, кто «выходит» и «входит», «двигаясь» по «месту смерти» (50). «Закрыть» же «отверстия» и «врата» — это пребывать на грани наличия и отсутствия, в сфере истинного бытия. И такое бытие есть уже высшее знание — «просвет», совпадающий с упомянутым в начале главы материнским «знанием» (о «просвете» см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

О «мягкости» Лаоцзы говорит постоянно (10, 36, 43, 52, 76, 78). Она указывает на всепроницаемость, обретаемую только в том случае, когда не открывают дверь, держат ее запертой и тем самым не покидают порога жизни.

И многозначительно подводящее итог всей главе слово «навык»-си. Его этимология восходит к тому, как птицы учатся летать: несколько раз взмахнут крыльями и полетят. Полет, умение ле-

тать совпадает с самим обучением. В этом, по Лаоцзы, и заключается вся «наука» жизни. Умение жить, сберечь свое бытие дается с рождения. А само бытие есть творческий процесс. Жить — значит творить.

Глава 53

Знай я совсем немного, вступил бы на Великий Путь и лишь боялся бы с него сойти. Великий Путь отменно ровен, но людям нравятся тропинки. Когда дворец блещет убранством, поля заполняют сорняки и житницы стоят совсем пустые. И надевать при этом яркие наряды, носить отборные клинки, чревоугождать, купаться в роскоши — это зовется воровской кичливостью. В ней все противоречит Дао.

Комментарий к главе

О пожелании «знать немного», намекающем на пограничный характер истинного знания, граничащего с незнанием, см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания». Во вводной части о «Пути» и «тропинках» неожиданные смысловые грани проступают в словах «сойти» и «ровен». «Ровный» (это определение «Пути» — Дао см. также в главах 14 и 41) указывает еще на то, когда готовят — обряжают тело умершего и выставляют его как предмет глубочайшего почитания в траурной обрядности. Это значение вполне может подразумеваться в связи с выдвинутым Лаоцзы тезисом о необходимости почитать смерть как важнейшее условие для достижения вечной жизни (33, 80). И в данном случае оно, пожалуй, даже акцентируется, поскольку следование по такому «ровному» пути противопоставляется возможности с него «сойти». У иероглифа «сойти» — и (дословно — «петлять», «идти зигзагами») одним из значений является: «выставить труп преступника на рыночной площади». Этот

смысл и оказывается завуалированной характеристикой тех, кто «сходит» с «ровной», прямой дороги и «петляет» по «тропинкам». Слово «тропинка» указывает еще на значение, когда в спешке сворачивают в сторону, чтобы идти к цели напрямик, кратчайшим путем — явная аналогия «поспешности», критикуемой в главе 26. Люди «толпы», «массы» предстают в глазах Лаоцзы выставленными напоказ трупами преступников. Это соответствует тому, что он находит в самой предметной множественности зло и преступление, нарушающие целостность бытия (см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания»). И нарушителями бытийного целого выступают у него знать, правители, власть предержажшие. Их характеристике посвящена вся остальная часть главы.

И здесь тоже за внешним скрывается более глубокий смысловой пласт. Другое основное значение слова «дворец» — «утро», связанное самым непосредственным образом с понятием «солнечных лучей» и потому вызывающее ассоциацию с мужским началом Ян — первой позицией триединства. «Блещет убранством» в дословном переводе: «в высшей степени вычищен, прибран». Это образ уповающих на силу и богатство правителей, которые выпячивают свое Ян и противопоставляют себя народу (см. также коммент. к главам 48 и 50). Но «вычищенный», «убранный» означает еще «убрать», «ликвидировать», «уничтожить». Крайнее усиление Ян приводит к его ликвидации. А Ян означает наличие, одну из обязательных составляющих истинного бытия. Так правители губят себя своими же руками. Это происходит потому, что они не составляют единого целого со своей противоположностью — народом, соответствующим женскому элементу Инь — Тени, Земле, второй позиции триединства (см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»). В тексте главы данная позиция представлена в образе «поля». А целостность этой «пары» — правителя и народа — дана в понятии «житницы». Как известно, третья позиция триединства указывает у Лаоцзы на пустоту порождающей бытийной емкости.

Но «житницы» здесь не просто «пусты», а «пусты» в крайней, чрезвычайной степени, в них нет «хлеба», дающего жизнь. Наречием «крайне», «в высшей степени» — шэнь определяется в тексте не только состояние «дворца», но также «полей» и «житниц». Такая же иносказательность отличает заключительное описание знати. В нем подчеркивается выпячивание своей единичности за счет обладания «награбленным» наличием — множеством наиболее ценных и редких (тоже единичных) предметов чувственного бытия. «Чревоугодничать» дословно значит «пресыщаться питьем и едой», а «купаться в роскоши» — «иметь в избытке ценности и товары». Это указывает на выпячивание и обособление каждой из составляющей пару противоположности. Тем же наречием определяется и «ровность» Дао как «Великого Пути». Но здесь оно уже подчеркивает абсолютное выравнивание, равенство, тождество противоположностей, образующих триединство.

Глава 54

Умеющего крепко встать не шелохнуть, умеющего охватить не оторвать. Сыновья и внуки будут непрестанно поминать их жертвами. У того, кто это совершенствует в себе, добродетель делается подлинной; у того, кто это совершенствует в семье, добродетель достигает изобилия; у того, кто это совершенствует в селении, добродетель возрастает; у того, кто это совершенствует в уделе, добродетель процветает; у того, кто это совершенствует и в Поднебесной, добродетель делается всеобъемлющей. Поэтому-то зрят себя собою, семью семьей, селение селением, удел уделом, Поднебесную всей Поднебесной. Откуда мне известно истинное состояние Поднебесной? Отсюда.

Комментарий к главе

Раскрывается сущностное самостановление личности, совпадающее с мистическим познанием ею в себе всего мира. Смысловой тон здесь задают первые три предложения. Единица, возникая при своем «вставании», сразу «охватывается» двойкой, то есть попадает в «объятия» неналичия, покоя (см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Эта «пара» создает, как известно, истинное бытие на грани наличия и отсутствия — переход от «трех» к «десяти тысячам вещей» (42), которые и называются в данном случае «сыновьями и внуками». «Не шелохнуть» дословно: «не выдернуть», «не выкорчевать» — намек на связь с «корнем» — Дао. Невозможность «оторвать» созвучна тому, когда «не выплывают из глубины» (см. коммент. к главе 36). Под «поминанием жертвами» имеется в виду жертвоприношения духам и предкам. У Лаоцзы духи сводятся к «духу долины» (6), а предком всего является Дао (4). Каждое понятие, составляющее первые три суждения, превращает их в одну из многих приводимых в «Дао дэ цзине» формулировок Дао как лиминальной единичности или триединства. И потому в средней части главы центральным становится исходное, указывающее именно на этот смысл Дао понятие добродетели. Ее «совершенство» противостоит украшенности живых трупов из главы 53. Под ним имеется в виду умение одного составлять «пару», целое со многим: с самим собой, семьей, селением, уделом, Поднебесной. Это и позволяет тогда то, с чем едины, в нем же самом «узреть», увидеть его интуитивно в тождественной ему сущности своего «я». «Отсюда» значит по себе, своей самости, входящей в целое мира.

Глава 55

Кто преисполнен добродетели, походит на младенца. Его не ужалит ядовитая змея, не схватит лютой зверь, не заключает пернатый хищник. Его кости слабы, сухожилия мягки, но держит в горсти крепко. Хотя ему еще неизвестна связь самца и самки, он всецело развит. Его сгущенность совершенна. Он может целый день кричать и не охрипнуть. Гармония в нем совершенна. Знание гармонии зовут незыблемым, знание незыблемого называется просветом. Становиться взрослым, отходя от состояния младенца, значит предрекать себе несчастье. Когда сердце властвует дыханием, это говорит о силе возмужалости. Но ей на смену спешит старость. Это значит действовать вопреки Дао. А тому, кто действует вопреки Дао, конец приходит рано.

Комментарий к главе

Иносказательно раскрывается принцип истинного бытия как тождества возможности и действительности, способности и действия. Сжатую формулировку этого принципа представляет первое же, вступительное суждение, которое затем развертывается в остальную часть главы. Его дословный перевод: «Держать во рту (таить, скрывать в себе) толщину (глубину, тяжесть, обилие, полноту) добродетели — быть подобным (равным) красному ребенку». «Красный ребенок» — новорожденный, поскольку рождается с розовой кожей. Но «красный» (чи) означает еще «пустоту», то, когда «ничего нет», а «ребенок» (цзы) — «семя», «плод». Добродетельный приравнивается к плоду пустоты, ничто. Но ведь добродетель у Лаоцзы и есть бытийное пустое место, которым в числовом выражении является лиминальная единица или триединство. Полнота («толщина») бытия дается каждому в момент его рождения. Неуязвимость этого бытия для обособленной предметной множественности чувственного мира имеет тот же смысл, что и в главе 50. Не случайно иероглиф

«схватить» — бо, относимый здесь к попытке хищных птиц «схватить» (в переводе «заклевать») ребенка, используется в главе 14 при характеристике неуловимого для чувственного восприятия Дао. Истинное бытие как пустоту действительно невозможно «ужалить», «разодрать» и «схватить». На нее же указывает «слабость» и «мягкость», синонимичные у Лаоцзы всепроницаемости (см. коммент. к главам 43 и 52). Слабая и мягкая телесная конституция ребенка при его способности «держаться в горсти крепко» — образ всеобъемлющей бытийной емкости, пронизывающей мир и цепко держащей его в своей «горсти». В связи с этим впервые дается понятие сущностного становления, в котором начало, исходный момент, потенция равнозначны полной и конечной осуществленности: «всецелая развитость». «Развитость» — тот же иероглиф, что и переводимый в других главах как «возрастание» (2, 16, 37), указывающий на эмпирическое становление вещей. От последнего сущностное отличает именно целостность как самотождественное различие начала и конца по принципу счета до трех, не идущего дальше единицы и приводящего таким образом к триединству. О «сгущенности», означающей осуществленность, см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания» и комментарий к главе 21 «Даодэцина». В «гармонии» тоже на первый план выходит значение цельности, «смеси» как в том, что определяет качество детского плача с характерной для него «немузыкальностью»: нечетким разделением звуков, их недостаточной расчлененностью. Отсюда и переход к «знанию незыблемого» и «просвету», указывающих на ту же изначальную целостность жизни, но уже в качестве данной от рождения интуиции.

«Становиться взрослым, отходя от состояния младенца», — перевод по смыслу выражения, которое дословно значит: «увеличивать жизнь». Это синоним «возрастания» как эмпирического становления. По Лаоцзы, полнота жизни дается уже в момент рождения, и ее остается не увеличивать, а только беречь. Ее увеличить пытаются, когда «сердцем», то есть вполне сознательно,

осознанно, рассудочно- практически, начинают управлять «дыханием», формовать свое «первозданное» — «толщу» бытия, называемую еще «чашей», которую тем самым «портят». О «дыхании» см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания» и комментарий к главе 10. Заключение, начиная с тезиса о «возмужалости», сменяемой «старостью», полностью повторяет конец главы 30 (см. коммент. к этой главе).

Глава 56

Кто знает, тот не говорит; кто говорит, не знает. Закрывать свои отверстия и запереть свои ворота, умерить свою остроту, смирить свою запутанность, ослабить силу своего сияния и сделать единой свою пыль — это значит находиться в сокровенном тождестве. Кто в нем, того нельзя приблизить, нельзя и отдалить, нельзя сделать ему что-либо полезное, нельзя и навредить, нельзя его возвысить и нельзя принизить. Поэтому он в Поднебесной и становится превыше всех.

Комментарий к главе

Глава посвящена рассмотрению цельного знания как бытийной, слагаемой триединством цельности жизни. И в самом ее начале дается сжатая классическая формула этого словесно невыразимого знания, которая раскрывается затем в следующих шести положениях. Данные положения уже встречались: первые два — в главе 52, последние четыре, в 4-й (см. коммент. к этим главам), но, соединенные здесь вместе, наиболее полно выражают принцип триединства. Они разбиты на три пары, по два сходных между собой высказывания, и эти пары последовательно соответствуют переходам к 1, 2 и 3, образуя в итоге «сокровенное тождество», то есть искомое триединство. В заключительной части главы говорится о том, что тот, кто к нему приобщен, не может

быть предметом какого-либо действия в чувственном мире, ибо выходит за грань предметного бытия и находится по сути в трансцендентной пограничной области. Та же мысль как утверждение недостижимости для хищных зверей и птиц выражается в главах 50 и 55.

Глава 57

Порядок в княжестве наводят прямо, в военном деле прибегают к хитрости, Поднебесную берут посредством недеяния. Откуда это мне известно? Отсюда. В Поднебесной множатся запреты, и народ все более беднеет; в народе много острого оружия, и в стране усиливается разлад; у людей искусность увеличивается, и каверзы становятся в почете; законы и приказы возрастают, и воров с разбойниками появляется все больше. Поэтому Премудрый человек и говорит: «Я нахожусь в бездействии, и народ сам преобразуется; я предаюсь покою, и народ сам исправляется; я пребываю в недеянии, и народ сам богатеет; у меня не появляется желаний, и народ сам обретает первозданность».

Комментарий к главе

Смысл главы заключается в трех сформулированных в ее начале тезисах, которые затем последовательно раскрываются. Лаоцзы представляет «прямоту» и «хитрость» как способы руководства, деятельности противоположными друг другу лишь внешне. Иносказательна у него и их принадлежность разным практическим сферам: гражданскому управлению и военному делу. «Прямота» — чжэн означает еще «парадную», «лицевую» сторону, и у Лаоцзы она становится в человеческих делах «лицом» именно «хитрости». Так соотносятся «прямота» и «хитрость» в картине общественного неблагополучия. С одной стороны, правители множат «запреты», «законы и приказы», то есть то, что

может быть отнесено к «прямому» управлению, ибо «прямой» означает также «правильный» и «исправлять», пытаются «исправить» народ, а с другой стороны, в ответ возрастают только «каверзы» с тождественными им по сути разбоем и воровством. В китайском понятии «каверза» главным компонентом является анализируемый здесь иероглиф «хитрость» —ци, у которого имеется значение нечета, единичного, «без пары». Поскольку «прямота» и ее суть — «хитрость» подразумевают утверждение единичного в ущерб целому, они противопоставляются «недеянию», воплощающему принцип парности и триединства. «Недеяние» правителя — мудреца в качестве политического идеала и рисуется в заключение главы (см. об этом главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания» и коммент. к главе 37 «Даодэцзина»).

Глава 58

При несведущем правительстве народ бесхитростен и добр, при вьедливом правительстве народ корежит недовольство. В несчастье коренится счастье, в счастье укрывается несчастье. Кто знает их пределы? В них нет определенности. Прямолинейность переходит в хитрость, добро приносит пагубу. Люди заблуждаются уже очень давно. Вот почему Премудрый человек, квадратным делаясь, не режет; остер углами, но не колок, прям, но не задирист, ярок, но не затмевает.

Комментарий к главе

Вначале противопоставляются друг другу два исходных положения, которые затем раскрываются: первое — в заключении, второе — в средней части главы. Это противопоставление повторяет, по сути, антитезу главы 20, выявляя ее политический смысл. «Обыденные люди дотошно во всем разбираются, один я

только остаюсь невеждой». «Оставаться невеждой» и «несведущее» выражают смысл одного и того же используемого в обоих указанных случаях китайского слова мэньмэнь, но относимого здесь к определению уже не младенца, а правительства. Также идентичны «дотошно во всем разбираются» и «въедливое» — чача. Это слово буквально означает: «делать различие», «дифференцировать», «разделять». Основу семантики в «бесхитростном и добром» — чунь чунь составляют значения: «простой», «искренний», «добрый», «без примеси», «чистый», «цельный», «крепкое вино». «Корежит недовольство» в своем исходном смысле — «разбитая чаша», а также — «испорченный», «оскудевать», «не хватать», «вакансия», «дефект». Здесь правление, воплощающее вселенскую целостность, противопоставляется власти рассудочно-практической, ориентированной на предметно-ценностную дифференциацию эмпирического бытия (подробнее об этом см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»). В первом случае — счастье всеединства, во втором — разбитая жизнь.

Основная мысль средней части заключается в том, что попытка утвердить и обрести какую-либо предметную ценность неизбежно приводит к противоположному результату. Все в мире, без исключения, существует как противоположность иного. Вещь, чтобы быть, должна отличаться от того, что ею не является, а отличаться от чего-то — значит становиться ему противоположным. Само же отличие есть граница, пролегающая между противоположностями. Эта граница образует облик, контур каждой из них, их определяет, дает им существовать, быть, составляет бытие. Любая вещь существует только на грани своей противоположности, без которой ее, собственно, нет. Отход от этой грани и оборачивается крахом.

Многозначителен смысловой нюанс слова «укрывается»-фу. В Древнем Китае оно подразумевало ситуацию, когда в период самого жаркого времени года — от летнего солнцестояния до на-

чала осени — совершался ритуал по усилению связанного с холодом женского элемента Инь, который для этого должен был «укрыться» от солнца — «жаркого» мужского Ян, чтобы, выйдя наконец из своей «засады» (фу значит и «засада»), его потеснить. «В счастье укрывается несчастье», как Инь — в палящем зное. Этот смысловой оттенок приоткрывает «теневое» значение фразы: «Люди заблуждаются уже очень давно». Ее дословный перевод: «Заблуждение людей, его дни уже очень давние». Но «день»-жи в своем первоначальном смысле — «солнце», «солнечные лучи», то есть может указывать на Ян (см. коммент. к главе 48), а «давний» также значит «долгий», «задерживаться», «не торопиться». В контексте главы фраза тогда получает такой смысловой обертон: «Заблуждение людей, его Ян уже очень давнее, задерживается». Главное человеческое заблуждение видится в одностороннем утверждении Ян за счет Инь, и этот вывод полностью согласуется с общей позицией Лаоцзы, выраженной им в других главах (48, 50, 53).

Заключение тоже глубоко иносказательно. «Квадрат»-фан означает также «правильный», «прямой», и в этом смысле вполне синонимичен слову «прямо», «прямолинейность»-чжэн, которое используется в данной и предыдущей главах. О том, что квадрат соответствует Земле (Инь), а когда «без углов», то является одновременно кругом, Небом (Ян), и что их совпадение — знак триединства, см. главу «Тайна единицы», в книге «Пять тысяч слов молчания». В этом суть характеристики «Премудрого человека»: быть на грани противоположностей.

Глава 59

Для управления людьми и службы Небу нет лучше бережливости. А бережливость — это когда загодя посвящают себя Дао. Загодя посвятить ему себя значит скопить вдвое больше добро-

детели. Кто скапливает ее вдвое больше, становится непобедим. Когда становится непобедим, его предел перестает кому-либо быть ведом. А чей предел становится неведом, тот может иметь княжество. Мать, обладающая княжеством, может достигнуть долговечности, и это называется глубоким корнем, прочным основанием, Дао вечной жизни и нескончаемого видения.

Комментарий к главе

Яркий пример того, как Лаоцзы в своем учении связывает во-едино разные уровни и сферы человеческой жизни и деятельности: индивидуальное бытие, нравственность, политику. Каждая из них предстает ликом другой. Это взаимное наложение и слияние начинается с первых же слов. Они в оригинале располагаются без соединительного союза: «При управлении людьми, службе Небу...» Уже чисто синтаксически подсказывается, что «управлять людьми» значит «служить Небу». А Небо у Лаоцзы, взятое отдельно, вне «пары» с Землей, тождественно Дао как лиминальной единице — триединству. И потому далее говорится о принципе, сущности нравственности — «бережливости», указывающей на необходимость «экономить» именно триединую целостность. Другой семантической гранью «бережливости» — сэ является: «скряжничать», «скупой», «жадный». Неслучаен выбор этого слова. Лаоцзы призывает быть «скрягой», скупым на «растрату» лиминальной единицы (об этом понятии см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Слово «загодя» в пожелании «загодя посвящать себя Дао» имеет еще основное значение: «утро», «ранний», «начальный», «первый». Подразумевается та целостность жизни, которую получают изначально, в момент рождения. Оставаться в этом «утре» жизни и означает предусмотрительно, «загодя» обратиться к Дао. В такой предусмотрительности нет рациональности, расчета. Это цельное интуитивное знание, совпадающее с «утром»,

порогом чувственного бытия. «Вдвое больше», относимое к накоплению добродетели, указывает на выражаемый ею принцип парности, переходящий в триединство. В добродетели ведущим является женское материнское начало, и ее обладатель «непобедим» в том же смысле, в каком «самка побеждает самца» (61). «Предел» означает не только верх, высшую точку, но и край, границу. В данном случае говорится о бытийном «промежутке», который составляет границу, очертание абсолютно всего и в этом качестве безграничен: беспредельно раздвигаемый предел. «Мать, обладающая княжеством», подразумевает правителя, наделенного «материнской» добродетелью. В связи с тем что добродетель воплощает истинное бытие, в конце главы говорится о «вечной жизни». О понятии «нескончаемого видения» см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 60

Править великим государством — это как готовить кушанье из мелкой рыбы. Когда правят Поднебесной на основе Дао, души умерших не имеют чудотворной силы. Они не только не имеют чудотворной силы, но и не наносят вреда людям. Не только души не наносят вреда людям, но и Премудрый человек не причиняет вреда людям. А так как обе стороны друг другу не чинят вреда, их добродетели между собой соединяются.

Комментарий к главе

Упоминаемый в начале древнекитайский кулинарный рецепт, подразумевающий невмешательство правителя в дела правления и жизнь своих подданных, задает тему главы (см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»). Центральным здесь становится вопрос о воздействии на людей богов и духов. Внешне Лаоцзы говорит не об отсутствии «душ умер-

ших», а значит, и духов, богов вообще, но о том, что при наличии Дао они перестают воздействовать на человека, воздействие же их мыслится только вредным. Если не воздействуют, то, значит, и не вредят. Но за этим скрывается более глубокий смысловой план. «Чудотворная сила» — перевод слова шэнь, которое в других главах означает «душу», «душевное», подразумевая лиминальную единицу как «душу» бытия, бытийную основу, суть жизни (6, 29, 39). В отрывке о «душах умерших» буквально говорится: «Души умерших не чудотворны. Они не только не чудотворны, но их чудотворность (шэнь) не наносит вреда людям». С одной стороны, их шэнь отрицается, с другой — оказывается безвредной. Получается, что они не имеют шэнь как «души умерших», переставая же ими быть, обретают шэнь. И в данном качестве ставятся уже в «пару» с мудрецом, то есть как раз с тем, кто только и может безвредно для людей править Поднебесной на основе Дао. Но тогда они уже не «души умерших», а «чаши душевные», какие изначально образуют Поднебесную (29). Их «чудотворность» и есть эта «душа», душа бытия, лиминальная единица или триединство. Только при таком условии они и могут находиться в «паре» с правителем-мудрецом, а их добродетели (тоже иносказание лиминальной единицы) — «между собой соединятся». Слово «соединяются» — цзяо, переводимое в следующей главе как «скрепа», имеет многозначительную для данного случая семантику: «пересекаться», «перекрещиваться», «переплетаться», «обмениваться», «связываться», «сноситься», «спариваться», «совокупляться», «связь», «точка пересечения», «стык» и т. д. Имеется в виду соединение правителя и народа как «чаш души» в целое триединства. Их безвредность акцентируется в связи с тезисом о невмешательстве, бездействии, составляющем принцип правления в соответствии с Дао. Правителя — «чашу души» другие «чаши» — его подданные и не должны замечать, находя в нем свою собственную сущность — самость по формуле: «Я самостен», указанной в главе 17 «Даодэцина». «Наносить вред людям» значит лишать

их бессмертия. «Души умерших» — гуй не «душа долины», которая «бессмертна» (6).

Глава 61

Великая держава образует нижнее течение реки. Это скрепа Поднебесной, ее самка. Самке неизменно в состоянии покоя удается побеждать самца. Покой ей позволяет быть внизу. Когда великая держава ставит себя ниже небольшого государства, то она его берет; когда небольшое государство принижается перед великою державой, то оно ее берет. Так берут тем, что ставят себя ниже, либо находятся внизу. Не пожелай великая держава, когда что-либо захватывает, большего, чем возвращать людей, а небольшое государство — большего, чем вступить в то, где служат людям, то оба обрели бы исполнение своих желаний. Великому пристало быть внизу.

Комментарий к главе

Эта глава подробно рассматривается в главе «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания» (о понятии «скрепа» см. коммент. к предыдущей главе).

Глава 62

Дао — это святыня десяти тысяч вещей, сокровище для людей добрых и то, что берегут недобрые. Прекрасные слова могут найти непревзойденный спрос, почтенному поступку могут все последовать. Зачем отбрасывать людскую скверну? Ведь именно для этого поставлены Сын Неба и три его советника. Хотя они и выезжают на четверке лошадей с большой регалией из яшмы впереди, им лучше было бы сидя продвигаться в Дао. Почему же

в древности ценили это Дао? Не потому ли, что, благодаря ему, успешно обретали то, к чему стремились, и избегали наказания, когда были виноваты? Поэтому нет ничего его ценнее в Поднебесной.

Комментарий к главе

Разбор большинства положений этой главы см. в главах «Обрести себя» и «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания». К ним относятся: понятие добра, выводимого из единства со «скверной» — «недобром», усмотрение в предметной множественности вины и преступления, подача высших государственных постов и их атрибутики в качестве того, что символизирует распад триединой структуры Дао. Слово «святыня» — ао этимологически подразумевает «юго-западный угол», наиболее почетное в доме место, где жили старшие по возрасту члены семьи и приносились жертвы. В производном от этого смысле указывает на все самое сокровенное, потаенное, глубокое и важное. На первый взгляд, несколько неожиданным представляется выдвижение тезиса о «прекрасных словах» и «почтенном поступке». В других главах Лаоцзы отказывается в красоте «правдивому слову» (81) и постоянно настаивает на «полезности бездействия» (43 и др.). Но слово «почтенный» — цзунь указывает прежде всего на старшего по возрасту, а мэи — «прекрасный», «красивый» означает в то же время «хвалить», «одобрять», подразумевая большую ценность. В контексте главы они явно сливаются с относимым к Дао понятием «святыни». «Прекрасные слова» — это Слово как Дао, о котором см. главу «Между строк», в книге «Пять тысяч слов молчания», а о действии или поступке, производном от бездействия, недеяния — главы «Тайна единицы» и «Мир Дао и толпа» (из той же книги) и комментарий к главе 37 «Даодэцина».

«Три советника» были ближайшими помощниками государя в решении самых важных политических и военных вопросов и относились в табели о рангах к высшим государственным чинам.

Глава 63

Действовать в бездействии, заниматься делом недеяния и наслаждаться вкусом не имеющего вкуса. Находить большое в малом, многое в немногом и воздавать добром за ненависть. Добывают трудное из легкого, создают великое из незначительного. Все, что в Поднебесной трудно делать, начинать легко, и все великие дела берут начало в самом незначительном. Именно поэтому Премудрый человек никогда не делает великого и потому он наделен способностью осуществить свою великость. Кто много обещает, тому мало доверяют. Большая легкость оборачивается великим затруднением. Вот почему Премудрый человек как бы во всем испытывает затруднение, но именно поэтому он никогда не затрудняется.

Комментарий к главе

Здесь тезис о тождестве противоположностей, сквозной в «Дао дэ цзине», рассматривается с точки зрения ведущей, основополагающей их пары: способности, возможности, равнозначной действию, действительности. Отсюда говорится не об «осуществлении» мудрецом «своей великости», а о его «способности» ее «осуществить». «Великость» относится к «четырем великим» из главы 25, указывая на вхождение мира в целое по принципу триединства. Это равнозначно для каждой вещи возвращению к ее самости. «Осуществление своей великости» совпадает с самоосуществлением, которое тождественно изначально данной способности и противопоставляется тому, когда что-то «делают». «Делать» — значит опредмечивать, объективировать, отде-

лять себя как субъекта делания от его объекта. По Лаоцзы, истинное деяние — это событие бытия, совершаемое только на грани противоположностей, в их «промежутке». Это «недеяние» на грани, на «пороге» деяния, а то, с чего действие начинается (замысел), и содержит в себе всю его потенцию, возможность реализации. Кажущаяся нерешительность мудреца, который «как бы испытывает затруднение», свидетельствует о занятом им пограничном, промежуточном положении. Он «как бы» не знает, какую из противоположностей выбрать, и остается между ними точно посередине. Вкус безвкусного знаменует способность ощущать лишнее вкуса, то есть неощутимое. Так способность к ощущению совпадает с самим ощущением. О призыве «воздавать добром за ненависть» см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 64

Легко придерживаться безопасного, легко замыслить еще не начавшееся, легко разъединять непрочное, легко рассеивать мельчайшее. Начинают заниматься тем, что еще не возникло; наводится порядок там, где он еще не нарушается. Дерево в охват рождается из самой малости, девятиярусная насыпь восстает из пригорошни земли, далекий путь берет начало в пяди под стопой. Кто действует, тот терпит поражение; кто чем-то обладает, тот его теряет. Вот почему Премудрый человек находится в бездействии и потому не знает поражения, ничем не обладает и потому не ведает потерь. В своих делах люди обычно накануне достижения успеха терпят поражение. Не терпят поражения, когда в конце бывают так же осторожны, как в начале. Поэтому Премудрый человек желает не иметь желаний и не ценит редкие товары, он учится быть неученым и возвращается к тому, что скопище людей минует. Помогая десяти тысячам вещей быть самостными, он не смеет действовать.

Комментарий к главе

Развитие тезиса предыдущей главы о способности, тождественной осуществленности. Здесь, как и в ряде других случаев, он выражается в форме очевидной общеизвестной истины и житейского совета, затаивающих в себе второй смысловой план. «Безопасное» — ань, которое в имеющемся у этого слова значении «спокойствия», «покоя» используется в главе 15, подразумевает незыблемость, неподвижность Дао как единого, не нарушаемую вмещаемым в него движением. «Еще не начавшееся» дословно значит «то, что еще не дает предвестий, не имеет признаков, не начинается, не проявляется». Это может быть только Дао как предшествующая всему сверхчувственная структура триединства. На нее же указывают «непрочное» — цуй, означающее также «хрупкое», «слабое», относимое к зарождающейся жизни (76), и «мельчайшее» — вэй, которое переводится в других случаях как «крошечный», «тонкий» (14, 15, 36). «Легкость» перечисляемых тут действий указывает на то, что они вполне совпадают со своей возможностью. Способность не требует никаких усилий. Но когда способность сама по себе уже есть действие, то это «действие», совершаемое с такой «легкостью», не может не оказываться равнозначным бездействию. Первые четыре высказывания являются лишь иной формулировкой тезиса о бездействии, имеющем эффект действия. Это подытоживается в следующих за ними двух суждениях. А далее — та же мысль уже в образе трех пространственных измерений: ширины, высоты и длины. «Дерево в охват» («охват» дословно — «объятия»), «девятиярусная насыпь» («ярус» — цэн: «накладывать слой за слоем») и «далекий путь» намекают на парность («объятия» предполагают двоих) и триединство («слоев» — «три на три»), рождающие четное количество (в смысле неопределенного множества вещей), «дальность» пути буквально: «тысяча ли»). Во внепространственном, бесконечно «крошечном» Дао заключено все физическое пространство. И потому кто в Дао, тому ни идти никуда, ни делать ничего не надо, ибо он «проска-

квивает» всюду (43). В житейском призыве быть осторожным, в конце как в начале предпринятого дела, проглядывает мысль о сведении всего дела к началу.

О смысле отказа от «желаний», «редких товаров» и «учения» см. коммент к главам 3, 37 и 48. «Скопище людей» — та же «толпа» — чжун жэнь из главы 20, находящаяся всецело в эмпирическом становлении. Она «минует», то есть оставляет в прошлом и не замечает в настоящем то, что составляет исток и суть ее бытия — даваемую каждому в момент рождения триединую вселенскую целостность Дао.

Глава 65

Кто в древности умел следовать Дао, с его помощью не просвещал народ, а делал глупым. Когда люди много знают, ими трудно управлять. Править на основе знаний для государства — это подлинное бедствие; когда в правлении не полагаются на знания, приносят государству счастье. Кто ведает об этой паре истин, тот постигает вечный образец. А знать неколебимо вечный образец — это называют сокровенной добродетелью. Она глубока, далека и со всеми возвращается. Но только так ей удается достигать великой слаженности.

Комментарий к главе

Здесь в целом повторяется исходный тезис главы 58 о вреде многознания для управления государством. Отрицая сначала знание, Лаоцзы затем утверждает необходимость «неколебимого», или «незыблемого» знания, предметом которого является «вечный образец». Данный образец идентичен упоминаемому в главах 22 и 28 и равнозначен Дао как самости (о самости в значении универсального образца см. коммент. к главе 25). Отсюда

вполне естественно отнесение такого знания к «сокровенной добродетели», выступающей определением Дао как лиминальной единицы (о «сокровенной добродетели» см. коммент. к главам 10 и 51). Речь идет о замене предметного знания мистической интуицией — «просветом», совпадающим с запредельной целостностью универсума. Понятие «эта пара» внешне относится к двум высказанным в первой части суждениям: о вреде знания и пользе незнания в управлении государством. Но оно намекает и на суть «просвета» — такого незнания, которое находится на грани знания, в «промежутке» между знанием и глупостью, соединяя их в «пару» — цельное знание. О глупости как высшей государственной мудрости см. главы «В просвете» и «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Приводимое в конце определение «сокровенной добродетели»: «глубока, далека и со всеми возвращается» повторяет формулу Дао под именем «Великого»: «далеко находится — значит возвращается» ((25). Имеется в виду «возвращение» от 3 к 1, совпадающее с возникновением «десяти тысяч вещей». «Великая слаженность» идентична «сокровенному тождеству» (56).

Глава 66

Моря и реки потому способны царствовать над горными потоками, что умеют быть внизу. Только поэтому они способны царствовать над горными потоками. И при желании подняться над народом следует словесно перед ним принизиться, при желании быть впереди народа следует поставить себя сзади его. Именно поэтому, когда Премудрый человек встает над всеми, народу он не делается в тягость; когда он пребывает впереди, народу не наносится вреда. Все в Поднебесной с радостью его выдвигают и им не пресыщаются. А так как сам он не соперничает, никто и не способен с ним соперничать.

Комментарий к главе

В главе раскрывается этика уступчивости, как сущность истинной политики, вырастающая в главный метафизический принцип жизни, бытия. О метафизике уступчивости см. главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Уступчивость связана с вмещением, вмещение — с пустой емкостью — истинным бытием, которое, вмещая все сущее, тем самым дает ему возможность жизни. Таков вводимый с самого начала образ «морей и рек», вмещающих «горные потоки». «Царствовать» в контексте «Дао дэ цзина» значит быть «царем» — одним из «четырех великих» (25). Синоним указанной выше уступчивости — уклонение от соперничества. Лишь тот никогда не соперничает, когда всегда во всем и всем уступает. Пример того, когда понижают себя словом, Лаоцзы не без иронии по отношению к современным ему правителям находит в самоуничижительных кличках древнекитайских государей (39, 42).

Отсутствие для людей «тягости» и «вреда» от такого «уступчивого» правителя и его выдвижение ими «с радостью», то есть легкость, непринужденность во взаимосвязи этой «пары» противоположностей, обозначает организацию социально-политической жизни по принципу триединства. Добровольная и очень охотная постанова над собой «высшего» есть не что иное, как следование своей самости. Ею и оказывается в конечном счете истинный правитель (см. коммент. к главе 17).

Глава 67

Все говорят о том, как сходство Дао моего велико с недостойным сыном. Но мое Дао потому-то и велико, что напоминает сына, не похожего на предков. А было бы похожим, то уж давно бы измельчало. У меня есть три сокровища, я их держусь и бере-

гу. Одно зовется материнскою любовью, второе — бережливостью, а третье — тем, когда не смеют находиться впереди других. Люблю по-матерински и поэтому способен преисполниться бесстрашия, обладаю бережливостью и потому способен обрести широкость, не смею находиться впереди других и потому способен стать распорядителем готовых чаш. Кто отрекается любить по-матерински и предпочитает быть бесстрашным, отбрасывает бережливость и предпочитает широту, отказывается быть сзади и предпочитает находиться впереди, того ждет гибель. Когда сражаются, преисполняясь материнскою любовью, побеждают, а оборона с ее помощью становится незыблемой. Спасение грядет от Неба, дающего защиту с материнскою любовью.

Комментарий к главе

Эта глава подробно рассмотрена в главе «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания». Остаётся пояснить перевод её вступительной части, предваряющей рассуждение о «трёх сокровищах». Она переводится по-разному, но наиболее вероятным вариантом, отличным от приводимого в книге, может быть такой: «Все говорят о том, как мое Дао велико и вроде бы ни с чем не сходно. Оно потому и кажется ни с чем не сходным, что велико. А было б сходным, то уж давно бы измельчало». Перевод зависит от понимания выражения бу сяо, где бу — отрицание «не», а сяо — «походить», «быть сходным». В древнекитайском языке оно образует и отдельное понятие со значением «сын не походит на своих предков», то есть «недостойный сын» либо вообще «недостойный человек». Это значение с учетом контекста «Дао дэ цзина» не может здесь не обыгрываться и скорее всего выходит на первый план, тем более, что и другой, приводимый выше вариант его также подразумевает. Но он не передает всего заключенного тут сарказма.

Глава 68

Умеющий быть воином не ведает воинственности, умеющий сражаться — не бывает гневен, умеющий одерживать победу над противником с ним не вступает в схватку, умеющий использовать людей становится их ниже. Это называют добродетелью отказа от соперничества, способностью использовать людей и верхом сочетания с Небесной древностью.

Комментарий к главе

Иносказание Дао как триединства в образе невоинственного воина. Четверо «умеющих» располагаются в последовательности счета от Дао до «десяти тысяч вещей» (42). Первый, «умеющий» — «воин» (ши) этимологически обозначает молодого, еще неженатого мужчину и явно намекает здесь на рождаемую Дао единицу: она соответствует мужскому элементу Ян и ей надлежит для достижения лиминального качества отождествиться с двойкой, женским началом Инь. На ее переход в свою противоположность — на вторую позицию указывает «умеющий сражаться». Сражение предполагает столкновение с противником, связь — противоборство с ним, но отсутствие гнева говорит о том, что это — противоборство внутри единого целого, в котором не отделяют себя от противной стороны. Так сочетается в одной лиминальной личности мужское начало с женским (28). Эта целостность и достигается «умеющим одерживать победу над врагом». Тут проступает уже аналогия с тем, как «самка побеждает самца» (61), — соответствие материнскому переходу от 2 к 3, со второй позиции на третью. А «использование людей» отмечает поворот от 3 к 10 000 вещей: «использовать» у Лаоцзы значить «рождать» в смысле вмещать в свою пустоту и приводить к ней же вмещаемое — «людей», которые обозначают «других», «многих». Эти положения подытоживаются в трех заключительных высказываниях. «Небесная древность» — исток

всей истории и культуры, воплощающий триединую целостность Дао. В древнекитайском языке понятия «Неба» — тянь и «древности» — гу в значительной степени совпадали и были взаимозаменяемыми.

Глава 69

Стратеги говорят: «Я смею быть лишь гостем, не хозяином, скорее отступлю назад, чем двинусь на вершок вперед». Это называют маршированием без маршировки, боевитостью без боевитости, завоеванием при неналичии противника, стратегией без войн. Нет большего несчастья, чем пренебрежение противником. Пренебрежение противником близко к утрате моего сокровища. Поэтому когда идут войною друг на друга, то побеждает тот, кто сострадает погибающим на поле боя.

Комментарий к главе

Развитие темы многих глав о метафизике уступчивости. И как в ряде других случаев, она здесь раскрывается с применением понятий, взятых из военной области. Аналогично первым четырем высказываниям предыдущей главы, четыре приводимые в средней части положения, сочетающие несовместимые для практики войны противоположности, по своему смыслу и последовательности размещения полностью соответствуют структуре триединства. В заключение Лаоцзы подчеркивает главный для этой структуры принцип парности, когда предостерегает против «пренебрежения противников». «Противник» — вторая позиция, единица, переходящая к двойке, и двойка при переходе к тройке, на ее грани, то, что создает, собственно, триединство. Поэтому в обеих указанных выше четверок высказываний о нем каждый раз говорится в третьем по порядку суждении. На то же указывают понятия «сокровище» и «сострадание», подразумевающие

«материнскую любовь» — воплощение второй позиции, принципа парности в триединстве (17).

Глава 70

Мои слова понять так просто, так просто выполнить. Но их понять никто не может, никто не может выполнить. У слов имеется исток, а у поступков то, что ими управляет. Их-то как раз не понимают и потому меня не знают. Коль редкостен, кто меня знает, то я ценен. Именно поэтому Премудрый человек таит под рубищем нефрит.

Комментарий к главе

Одно из самых прямых и ясных в «Даодэцзине» определений «Премудрого человека», мудреца, совпадающее с понятием лиминальной личности. «Простота», дословно «легкость», которую Лаоцзы относит к пониманию и выполнению своих слов, — та же, что и характеризующая «действия» в главе 64, равнозначные бездействию (см. коммент. к этой главе). Но тогда его «слова» не могут чувственно восприниматься, они беззвучны, ибо находятся только на грани человеческого слова, принадлежа неслышному Слову Дао. Обычная заключенная в звуковую оболочку речь способна содержать их лишь в качестве намека. На то же указывают «исток» слов и главенствующее начало поступков. «Исток» (цзун) — это «предок», «прародитель», с которым отождествляется Дао в главе 4 «Даодэцзина», а «то, что управляет» (цзюнь), дословно «государь» обозначает понятие «покоя» — «государя поспешности» (26), подразумевая неизменную, незыблемую целостность Дао. Под «предком слов» и «государем поступков» Лаоцзы имеет в виду себя, но в качестве не эмпирической, а лиминальной личности. Ее понятие и фиксирует местоимение «я». Поскольку же «узреть» другого можно только в

своем «я», то незнание «предка слов» и «государя поступков» указывает на незнание самих себя. Здесь ставится проблема познания каждым не «слов» Лаоцзы, а собственного «я». Поэтому, когда Лаоцзы говорит о незнании людьми его «слов», он подразумевает незнание ими самих себя. О том, что под «редкостным» кто его знает мыслитель имеет в виду себя, см. главу «Обрести себя», в книге «Пять тысяч слов молчания». И заключает главу образ лиминальной личности «затаенный под рубищем нефрит». «Нефрит» — это Дао, называемое «сокровищем» (62, 67), а «Дао скрытно, у него нет имени» (41). «Рубище» мудреца — его неизвестность, и она идентична «скрытности» Дао. Поэтому у Лаоцзы и нет горечи от того, что он неизвестен, не имеет имени, бесславен, низок по своему положению. Таково условие становления личности по принципу триединства, в соответствии с которым границей, очертанием, формой единицы — мужского начала Ян, Света, наличия, имени является все иное, множество, двойка, женское начало Инь, Тень, неналичие, безымянное.

Глава 71

Знать о том, чего не знаешь, всего выше; а не знать, что знаешь, значит быть больным. Перестают болеть, лишь когда болят о своей болезни. Премудрый человек не болен. Он болеет о своей болезни и потому не болен.

Комментарий к главе

Глава, целиком построенная на игре слов «болезнь», «болеть» — бин, которое означает тяжелую степень заболевания, а также: «беспокоиться», «горевать», «мучиться», «досадовать», «трудность», «вред», «недостаток», «уоставать», «изнеможение». Смысл этой словесной игры заключен в первых двух высказываниях, поставленных в качестве эпиграфа к главе «В просвете»,

из книги «Пять тысяч слов молчания» и в ней рассмотренных. В них высшая мудрость приравнивается к знанию своего незнания или глупости, а «болезнь» подразумевает незнание того, что даётся каждому в момент его рождения — изначальной целостности жизни.

Глава 72

Когда народу не страшны угрозы, грозит великая беда. Не гнушайтесь его местом обитания, не пресыщайтесь тем, что он растит. Не пресытитесь, и вам не будет тошно. Именно поэтому Премудрый человек в своем самопознании себя не видит и при любви к себе не придает себе значения. Он отвергает то и берет это.

Комментарий к главе

То, что «народу не страшны угрозы», подразумевает отсутствие у него страха смерти в том же смысле, в каком об этом говорится в главах 74 и 75. Имеется в виду поляризация общества на «высших» и «низших», разрушающая триединую целостность: на одном полюсе — тщетная погоня за личным бессмертием, на другом — готовность умереть. Здесь, как и во многих других случаях, за передним смысловым планом скрыт более глубокий внутренний. Внешне речь идет о запугивании «высшими» народа, об их насилии над ним, его угнетении. Поэтому обращение Лаоцзы к правителям может иметь и другой перевод: «Не тесните его места обитания, не сдавливайте то, что составляет его жизнь. Не сдавите, и вам не будет тошно». Перевод зависит от того, какое из значений используемого здесь слова янь предпочесть: «пресыщаться», «чувствовать отвращение», «подавлять». У Лаоцзы они все подразумеваются, но с акцентом на «пресыщении», которое синонимично «перееданию» (24) и входит ком-

понентом в понятие «чревоугодничества» (53). Ключевыми словами в главе являются «место обитания» народа и «то, что он растит». К наилучшему «месту обитания» в главе 8 «Дао дэ цзина» отнесена «Земля», а она, как и народ, проживающий в этом «низком» месте, соответствует второй позиции триединства, без отождествления с которой сама единичность, бытийность правителя неосуществима. Вторая позиция, женская, материнская, «вращающаяся» единичное, и потому «место обитания» есть также то, где занимаются выращиванием. Тут «растят» хлеб и в обычном смысле, но в нем же заключено иносказание: это «место», обеспечивающее «вращивание» истинного бытия — лиминальной личности. «Гошнота» правителя означает, что он «объелся» наличием, пресыщен жизнью и отвлёкся от ее источника — «хлеба» Дао.

О «самопознании», при котором «себя не видят», подразумеваемом интуитивное вхождение в целое бытия, см. главу «В просвете», в книге «Пять тысяч слов молчания». В выражении «любить себя» слово «любить» — ай, имеющее еще значения: «быть жадным», «скупиться», «скрывать», синонимично бережливости как главному нравственному принципу Лаоцзы. Суть этой любви заключается в очень экономном, доходящем до крайней скупости «расходовании» изначально получаемой целостности жизни (см. также об этом главу «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания»).

Глава 73

Когда смелы в том, чтобы сметь, предают смерти; когда смелы в том, чтобы не сметь, то воскрешают. В обоих случаях приносится иной раз польза, а иной раз вред. Кто знает, почему бывает Небу что-то ненавистно? Именно поэтому Премудрый человек как бы во всем испытывает затруднение. Дао Небес умеет без

борьбы одерживать победу, умеет молчаливо откликаться, является само без зова, умеет неумышленно замыслить. Широко раскинута сеть Неба, и хоть она редка, но из нее не выскользнуть.

Комментарий к главе

Храбрость, смелость Лаоцзы связывает с материнской любовью, указывающей на слитый с триединством принцип парности (67). В личности Дао дерзость и смирение нераздельны. Поэтому и говорится об «обоих»: «оба» — это «пара», и, несмотря на их взаимную противоположность, они одинаково вмещаются в понятие храбрости. О связи «убийства» с первой позицией триединства, а «воскрешения» — со второй см. главы «Тайна единицы» и «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания». Когда они берутся не в «паре» друг с другом, «польза» и «вред» от них непредсказуемы, ибо определяются Небом как всеобъемлющим, которое недоступно для рационально-практического знания. О нерешительности мудреца, знаменующей занятие им промежуточного, пограничного положения, см. коммент. к главе 63. Это храбрость «посредине», на грани дерзости и смирения.

Во второй части главы Дао рассматривается как «сеть Неба», то есть исходя из его принципа структурности, которым является триединство. Саму эту структуру образуют определяющие «Дао Небес» положения — от умения побеждать до искусства неумышленного замысла. Трижды повторяемое здесь слово «умеет» подчеркивает потенциальный характер того, что составляет «замысел» — смысл всего космоса и совпадает с наивысшей действительностью — лиминальной единицей. На ее возникновение, при котором в ней с самого начала заключена «самка, побеждающая самца», указывает умение «без борьбы одерживать победу». Так, «Дао порождает единицу» (42), и ее структура развертывается далее в следующих за этим трех положениях в соответствии со счетом от 1 до 10 000 вещей. Переход от 1 к 2, первой позиции на «женскую», вторую, свидетельствующий о

тождестве единичного со многим, представлен в образе сердечной близости, понимания без слов: когда «умеют молчаливо откликаться». А «материнский» аспект этой же позиции, подразумевающий поворот к 3 — создание целостности пары, есть то, что «является само без вызова». И наконец, третья позиция, грань триединства и «десяти тысяч вещей», выступает в качестве непреднамеренного замысла всего сущего. В «Дао Небес», образующем небесную «сеть» мироздания, целесообразность достигается без сознательного полагания цели, единство создается спонтанно, и взаимосвязь его частей носит сугубо интимный непосредственный характер. И все это изначально охвачено и пронизано принципом уступчивости, при котором «победу одерживают без борьбы».

Глава 74

Когда народ не ощущает страха смерти, то как же можно смертью устрашать народ? И кто посмел бы это делать, если бы народ неизбежно боялся смерти, а тех, кто строят козни, мне удалось бы взять и предать смерти? В неизбежности пребывает ведающий убиением, который подвергает смерти. Убивать вместо него — это все равно как попытаться что-либо вытесывать, вообразив себя великим плотником. Скорей всего поранишь только свои руки.

Комментарий к главе

Как в главах 72 и 75 отсутствие у народа страха смерти, его непочтительное к ней отношение, готовность умереть — знак разрушения триединой целостности общества (см. об этом коммент. к главам 72 и 75). О том, что одним из главных условий вечной жизни является страх смерти, её боязнь, которая должна быть вечной, неизбежной, как само Дао, см. главу «Обрести себя», в

книге «Пять тысяч слов молчания». Эта боязнь в масштабах общества становится возможной только при условии, когда правитель и народ связаны между собой целостностью триединства. «Козни» — это те же «хитрость» и «каверзы» из главы 57, обозначенные иероглифом ци, который указывает в данном случае на правителя — единицу в отрыве от своей «пары» — народа (см коммент. к главе 57). Суть его «козней» сводится к тому, что он пытается запугать «низших» репрессиями и казнями. Но им таким образом страх смерти не только не внушается, но становится совсем недоступен. Выступление Лаоцзы от первого лица с выражением намерения «предать смерти» этих «строящих козни» правителей подчеркивает «игровой», условный характер данного действия: он как бы становится на их место и показывает, чего они заслуживают, если пользоваться их же методом правления. И Лаоцзы едко над ними насмехается. Сам он «марты» свои руки не хочет, не дай бог еще «поранишься», и вводит в «игру» новое лицо — «ведающего убиением». Он напоминает палача, которому поручается исполнение казни. Но в этом «палаческом» образе ясно видны черты совсем иного смыслового плана. Выражение «в незыблемости пребывает» — чан ю, дословно: «незыблемо, вечно имеется, наличествует», само по себе, отдельно значит: «незыблемое наличие», которое встречается в главе 1 «Даодэцзина». Это понятие, как и сравнение с «великим плотником» (в одном ряду с образом «великой кройки» из главы 28), явно указывает на то, что под «ведающим убиением» имеется в виду Дао как триединство, построенное на нераздельном сочетании «смерти» и «воскрешения» (см. коммент. к предыдущей главе). «Предать смерти» в соответствии с данным принципом значит положиться на самость и предоставить возможность всему идти своим ходом. И тогда, по логике триединства, правители, которые выпячивают соответствующие им единичность, наличие, мужскую силу Ян, подавляя народ, неизбежно обращаются в свою противоположность, то есть перестают наличествовать, гибнут: «за произвол, насилие ждет преждевременная смерть» (42).

Глава 75

Народ голодает, ибо стоящие над ним объедают его податями. Именно поэтому и голодает. Народом трудно управлять, ибо стоящие над ним привержены деянию. Именно поэтому и трудно управлять. Народ не придает значения смерти, ибо стоящие над ним всего превыше ценят жизнь. Именно поэтому не придает значения смерти. Но ведь не гонясь за жизнью сохраняют ее лучше, чем когда ею дорожат.

Комментарий к главе

Подробный разбор этой главы, дающей одну из исходных у Лаоцзы формул общества как «пары» правителя и народа в её негативном историческом проявлении, см. в главе «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания».

Глава 76

Человек, когда рождается, слаб и нежен; умирая же он делается тверд и крепок. Вся тьма существ, деревья, травы при своем рождении нежны и слабы, когда же гибнут — засыхают. Твердое и сильное выступают спутниками смерти, нежное и слабое — спутниками жизни. Поэтому, когда могуче войско, оно победы не одерживает, когда крепким вырастает дерево, его срубают на оружие. Великое и сильное низки, а слабое и нежное высоки.

Комментарий к главе

О том, какой смысл имеют у Лаоцзы понятия «нежности и слабости» и противопоставляемые им «твердости и силы», см. коммент. к главам 36, 43 и 52. Значение выражений «спутники жиз-

ни» и «спутники смерти» раскрывается в комментарии к главе 50.

Иногда отмечают, что слова «деревья, травы» здесь лишние и являются интерполяцией. Но они не кажутся случайными в контексте главы. Одно из основных значений «дерева» (му) — «древесина», «лесоматериал», и оно очень близко подходит к этимологии слова «первозданное» (пу) — «необработанная древесина». Родственна этой же этимологии и «трава» (цао), означающая также: «целина», «пустырь», «невозделанный», «грубый», «черновик», «набросок».

«Слабое и нежное» вообще связываются у Лаоцзы с низким местом, которому он отдает предпочтение перед высоким, но здесь он относит их к «высокому» — шан, подразумевая значения данного слова: «старший», «первый», «главный». «Низкое» как корень «высокого» (39) изначально, старше, важнее его и в этом смысле «выше».

Глава 77

Не сходно ль Дао Неба с тем, как натягивают лук? Сгибают его верхний конец и поднимают в то же время нижний, отнимают от избытка и восполняют недостаток. И Дао Неба восполняет недостаток, отнимая от избытка. Людское Дао заключается в обратном: ущемлять лишнего достатка и одаривать живущего в избытке. Кто способен одарить своим избытком Поднебесную? Лишь тот, кто обладает Дао. Именно поэтому Премудрый человек не ищет для себя опоры в том, что делает, и не относит к себе совершенные им подвиги. Он не желает выставлять на обозрение свои достоинства.

Комментарий к главе

С натянутым луком Дао сравнивается как принцип триединства. Верхний и нижний концы лука — пара противоположностей, соответствующих 1 и 2, Ян и Инь, Небу и Земле и т. д., тетива — 3, их целостность, образующая вместе с ними триединство. В натянутости, напряженности лука проскальзывает мысль о бездействии как максимуме потенци. «Отнятие от избытка» и «восполнение недостатка» — образ истинного бытия, находимого на грани наличия и отсутствия. Этому противопоставляется «людское Дао» как обособление, размежевание противоположностей, уводящее с грани, порога жизни в абсолютное ничто. Именно о нем говорится в главах 50, 53, 57, 72, 74, 75.

«Одарить своим избытком Поднебесную» — это единичному и для себя наличествующему отождествиться со многим, которое по отношению к нему выступает как его отсутствие, и образовать с ним пару — триединство. На такое способен только тот, кто становится всеобъемлющей пустой емкостью — «чашей души». Отсюда и заключительная часть главы, подчеркивающая важность держаться в тени, согласно метафизическому принципу уступчивости.

Глава 78

Слабей и мягче, чем вода, нет ничего под Небесами, но в сокрушении твердости и силы ее не превзойти. В этом ее нечем заменить. Слабость побеждает силу, мягкость преодолевает твердость. Это известно в Поднебесной всем, но претворить в деяние никто не может. Премудрый человек так говорит: Править страной — значит принять ее позор, царить в Поднебесной — значит принять беду своей страны. В правдивом слове есть подобие ему обратного.

Комментарий к главе

Отмечая хорошо известный обыденный факт — способность воды источать любое препятствие на своем пути, проникать в самое неприступное, Лаоцзы выставляет его в качестве образца для межгосударственных отношений и способа обретения власти над миром. О воде см. коммент. к главе 8, о «слабости и мягкости» и их превосходстве над «твердостью и силой» см. коммент. к главам 36, 43, 52. Вода с ее свойствами «слабости и мягкости» выступает знаком Дао как бытийной емкости, требующей от политика прежде всего приниженности и уступчивости. Приводимые здесь высказывания «Премудрого человека» перекликаются с положениями главы 61. Сходство «правдивого слова» с тем, что ему противоположно, идентично по смыслу подобно противоположностей, которое указывается в главах 41 и 45 (см. коммент. к этим главам).

Глава 79

Большая ненависть, когда ее смягчают, лишь делается затаенной. Как может это приводить к добру? Именно поэтому Премудрый человек дает по соглашению займы и, владея левой половиной бирки, счета никому не предъявляет. В ком добродетель, тот заботится о соглашении, в ком ее нет, следит за тем, чтобы взыскать. Дао Небес не ведает пристрастия и неизменно помогает добрым людям.

Комментарий к главе

Под «добром» Лаоцзы понимает достижение целостности, собственной «паре», триединству. Этому противоречит целенаправленная попытка «смягчить», то есть устранить, недовольство, ненависть, зло, поскольку, по принципу триединства, без зла нет

добра, и истинное добро достигается только в «промежутке» между ними, на их грани.

В Древнем Китае договор о кредитовании вырезался на деревянной бирке, которую разделяли на две половины, и, как свидетельство о кредите, левую хранил у себя заимодавец, правую — должник. У Лаоцзы левая и правая стороны подразумевают «пару» противоположностей, составляющую триединство Дао «левая» — неналичие, Инь и т. п., «правая» — наличие, Ян и пр. (см. коммент. к главе 31). Сам договор о ссуде превращается в иносказание сущностного самостановления личности (см. коммент. к главе 41). Сохранение мудрецом своей части «бирки» говорит о том, что он «долга» не списывает, но ждет только его добровольного возврата, предоставляя полную самостоятельность «должнику». Это противопоставляется тому, когда стараются «взыскивать». «Взыскание» — чэ обозначает конкретный вид налога в эпоху Чжоу (XI-III вв. до н. э.), но он здесь приобретает более широкий смысл, отражаемый в переводе. По принуждению добрыми люди не становятся. Их «возвращение» к своему «я» — «добродетели» может быть только свободным и самопроизвольным. Под помощью небесного Дао имеется в виду «вечная жизнь», достигаемая тем, кто «умеет вмещаться» в триединое целое мира.

Глава 80

В небольшом и малолюдном государстве способствовать тому, чтобы таланты не использовались, даже если бы их было в десять, сто раз больше, чем обычно, и побуждать народ из почтения к смерти не ездить далеко. Появись там лодки и повозки, им не нашлось бы места для использования, появись там даже латы и оружие, их негде было бы расположить. Пусть люди снова бы завязывали на веревках узелки вместо письма и было бы им

сладко есть, прекрасно одеваться, удобно жить и радостно извещивать свои обычаи. Со странною по соседству друг на друга бы глядели издалека и слушали бы друг у друга лай собак и крики петухов, но меж собою не общались бы до самой старости и смерти.

Комментарий к главе

Эта глава полностью подробно рассмотрена в конце главы «Мир Дао и толпа», в книге «Пять тысяч слов молчания».

Глава 81

Нет красоты в правдивом слове, нет правды в сказанном красиво. Кто добр, не спорит, кто спорит, тот не добр. Пониманию чужда ученость, ученость далека от понимания. Премудрый человек не скопидом. Но он все больше обретает, всецело помогая людям, и неизменно богатеет, когда все людям отдает. Дао Неба, доставляя пользу, не вредит; Дао Премудрого человека действует без противоборства.

Комментарий к главе

О красоте, знании и добре в соответствии с тем, как их понимает Лаоцзы, см. главы «Между строк», «В просвете», «Мир Дао и толпа», из книги «Пять тысяч слов молчания». Мудрец, отдающий все людям и неизменно остающийся в прибыли, — лиминальный знак его личности. Он «уступает» себя другим и при этом не только ничего не утрачивает, но в качестве бытийной емкости, в которую превращается за счет такой уступчивости, вмещает и охватывает «десять тысяч вещей».

© "Лаоцзы. Обрести себя в Дао."
Сост., перевод И. И. Семененко.
М.: Республика, 1999. — 445с.